

ГОЛЫЙ ОСТРОВ –
ДНО АДА

Автор, студент Белградского университета,
перед арестом (1949)

Ядран

Одни с этих волн срывают
золото лунного света,
другие – звуки гитары...

Для одних это море –
несжатая нива,
белый парус на грани прилива,
безбрежная песня,
а мне –
вокруг сердца гранитные плиты,
железо на чёрном окне.

Одни с этих волн срывают
золото лунного света,
другим – не увидеть рассвета...

Море тень берегов качает.
Гитара звенит над волнами,
а я всё считаю чаек
над связанными руками.

Каменные острова
вечно в кольце оков
сизой морской пустыни.
Каменные острова
немые в ответ на зов
горной родной стихии.
Каменные острова
навек лишены надежды
вернуться на побережье.
Ослепли они от горя,
оглохли от расстояний.
Каменные острова
не могут бежать от моря.
В оковах воды бескрайней
беспомощными рабами
лежат с разбитыми лбами
каменные острова.

Солнце моё,
посиневшей тучей схваченное,
мои раны
тебя ослепят.

Если б ты видело
батога и бичи,
которыми бьют нас
ночью и днём,
то со скалы бы прыгнуло в море
и навсегда разбилось,
чтоб не смотреть на камни
стона и крови.

Те, что выросли из этой земли
и озарили её рассветом,
пахали её и весну на ней взрастили,
руки ей развязали
и, израненную, освободили, —

для их костей не нашлось
и горсти чёрной земли —
с камнем на шее,
с цепями на руках
спят в глубинах моря.

Выкапываю камень

Спускается ночь.
Я должен ногтями выкапывать камни.
Нет сил – но ничья не поможет рука мне,
удел мой крошить эти камни, толочь.
Колючка, железные лозы.
Угрозы врага...
Где молот возьмёшь?
Вырывает мне зубы цинга.
Колет копьями ночь – быть беде.
Ночь крадётся, как злая волчица,
тащит мёртвых к воде,
чтоб заре не считать, не трудиться.
Ноги узников – только сплетение вен.
А у камня как будто бы выросли корни,
и за землю он держится крепче, упорней.
Веет смертью от лагерных стен.
Носят камни скелеты. Невмочь...
Воздвигают кому-то дворцы
эти слабые тени.
И бинтует им раны лишь чёрная ночь,
холод камня
да ржавый металл ограждений...

Сквозь пламя

Костры горят в два ряда.
Из мрака обледенелого,
из нор нас гонят сюда.
Не видеть нам света белого!
Лишь взгляды:
«Что это, друг?»
Но только затворы лязгают.
Кисти синюшных рук
кровавой веревкой связаны.

Пламя! Жалящий рой
искр...

Идёт инквизиция!
Веревку тянут сквозь строй,
огонь выжигает лица нам.
Пламя гасит глаза.
Кровь на огне замешена.
Так вот она, эта гроза,
что вами была обещана!
Хотите спалить любовь,
полно, мечту соколиную?
Ненависть, ярость, боль –
с неплем смешать и глиною?!Хотите сжечь на кострах
крылья, что к солнцу направлены?
Гонит вас, гонит страх,
словно волков затравленных!

Ваши руки в крови,
они дробили нам челюсти.
Умрём – но во имя любви,
а вы умрётё от ненависти!
Склонь горло смерти и – в ров,
градом часыните каменным.
И всё-таки наша кровь
пачешей вашего пламени!

Пусть нас никто не спасёт.
Мы умирали – не плакали.
Бачь наша, кровь и пот
продрут нашу тьму, как факелы!

Волны стонут

Стон этих волн – словно плач похоронный.
Лагеря смерти берег кровавый...
Камни обвиты колючкою ржавой,
слёзы тут смыты волною солёной.
Слышно и камню, как плачут воды.
Волны рыдают – здесь погребают
молодость, силу, надежду народа...
Каркают вороны,
не улетают.
Слёзы и ливни – единоверцы;
Сердце иссушено, высохло тело...
Может быть, в камне живет оно, сердце, –
в людях давно уже окаменело.
Если бы громко оно говорило,
если бы кровь заменила чернила,
то проступили б на камне наказом
крики страдальцев,
их воля и разум:
«Люди, не будьте рабами!

Во мраке
цепь не влачите, пора распрявиться –
лучше вы смерть поцелуйте в атаке!
Камень-убийца –
и тот нас боится!»

Память лимонных деревьев

В ужасе утро встаёт здесь в тумане,
волны под тучей бегут, горькой пеной одеты,
стонут здесь вечера под гнётом невзгоды,
узников свозят сюда для мучений, –
верных сынов Октября и героев Испании,
Сутески храбрых детей, знаменосцев Свободы,
тех, кто в борьбе никаких не боится преград.
Узники здесь, живые скелеты,
голые, в кровь раздирая колени,
камни камнями на камне дробят.

В прах рассыпаются груды камней,
раны и язвы подёрнуты коркой кровавой.

Это в обычае палачей:
с крыши проклятых бараков стекают
струи декабрьских дождей, леденя, –
льются на темя людей,
чтобы и мозг их льдом становился,
больше сгибалась иссохшая шея.

Словно увядшая ветвь, руки на щелбне.

Это не смерть и не мука,
это что-то ещё страшнее.

Это неугасимая гордость стонет,
кровью омытая и дождём.

Кимень скелеты дробят, кровенят ладони.

Это шир палача и бешеной бури.

Мелют рабы самих себя, испуская стоны,
башни смерти строят они,
и щелбень сажают лимонные деревца.

В рост должны идти они, политы кровью,
вырасти стройными и прямыми.

К поколениям их, если надо, привяжут...

Кровь потекла и всё больше течёт.

Солнце лучами играет в луже кровавой.

Шею само здесь могло бы ослепнуть –
от сердца во льду, от боли, что длится.

Но солнце рождается, чтобы умыться
в юного утра озёрах,

чтобы лучами пить росы и запахи бора,
а не кровавый ушиков пол

Чёрных приспешников зла выслала ночь,
с очами змеи прислужников смерти,
чтобы несчастным снести головы прочь...
Чёрной ночи меха крик разрывает,
боль заморозила стоны.
Здесь, на мраморном берегу,
немы люди в тоске исступлённой.
Кровь от работы плетей на земле, на воде,
пятна кровавые всюду видны.
Кровь. Кровь везде.
Ею все камни обагрены,
крики окрашены кровью.

Не для того рождали матери нас,
чтоб в черепах наших рыбы гнездились.
Мать растила меня
в солнечных долах, у этой зелёной горы
не для того, чтобы свет моих глаз
здесь на дне моря погас.
Мысль даже в смерти стремится к пареню,
в ранах сердце моё,
а раны зывают к отмщению.
В дни, когда крылья расправит заря,
чтобы стереть эту ночь преступлений,
чёрную ночь предательств, тогда
мощной рукою Свобода порвёт эти звенья,
ржавую проволоку насилий,
и пришельцы-борцы увидят эти строенья,
ров, где тела коммунистов зарыли.
Тень стройных башен, деревьев лимонных
ляжет на лоб их холодом яда зловонным,
белый мрамор будет точить
слёзы из глаз, которых уж нет,
глаз, что когда-то видели свет,
а теперь только ждут, чтоб поднялись мечи.
Мрамор для этих дворцов величавых, высоких
в зной на носилках сюда подавали,
были носилки орудием пыток жестоких,
люди хребты здесь и ноги ломали.

Солнце напрасно листвою деревьев играет,
ветер напрасно листву их полощет –
рук окровавленных не забывают
свежие эти лимонные рощи!

Трагач

Несут на носилках
огрубленную голову
Отчизны моей.
Сбросят её
в голубые глубины
вместе с грудой камней.

Чтоб сестра над могилой
не расплела косу,
чтоб мать, угасая,
не звала сыновей –
на носилках несут
огрубленную голову
Отчизны моей...

* * *

(снова о трагаче)

Знала бы эта ель,
что из неё сделают каторжные носилки,
она бы исторгла себя из семени,
она бы исторгла себя из корня
и полетела за облаком;
она бы забыла имя своё –
ещё бы она забыла,
осталась бы в облачной вышине,
шпиль бы её не коснулась
рука, алчущая крови,
и не превратила
в орудие преступления.

Обращение Велебита к Ядрану

О Ядран, море синее,
островами ты усеяно,
где слышны стенанья узников...

Было ты мне зеркалом,
чтобы мог гордиться я
чистым отражением.
Но теперь нет сил уже
мне в глаза себе глядеть,
любоваться не могу теперь
я на самого себя. -
Кровью мой запятнан лик,
отражённый в синеве твоей.
А подводный корень мой –
каменистое подножие –
ужасом оковано,
каменные трещины
костями заполнены,
опустели гребни скал,
и всё чаще там кружат вороны.

Стала непроглядной ночь
и закрыла тьмой лицо моё.
Из твоих отяжелевших вод,
словно сталь непробиваемых,
не мог и днём я вытянуть
себя запятнанного,
изуродованного.
Ведь мою тенью под волнами
покрываешь ты кости мучеников.
Прободали эти кости тень мою,
звон цепей на островах мне слышится.
Как бы мог своею тенью я
эти кости уберечь, спасти, –
мучиться в глубинах вод
суждено веками им.

Утро уж меня не радует,
утро белое,
и твоей лазурью
не умыть уж мне лицо своё

Гладь твоя лазурная
кровью обагрилась вся;
этой кровью грудь моя прогрызена,
дрожью ужаса вошла она
в каждую из пор моих.

Как же вырвать мне боль мучеников,
чтоб зажгла она ущелья льдистые,
чтобы травами целебными
раны сердца успокоило?

Посинело утро светлое,
очи каменные затемнило мне,
чтоб лишить меня в тумане зрения...

О, море, море,
честь свою навеки ты утратило,
от стыда тебе бы впору высохнуть!
И меня опустошило ты,
звнесло все леса мои
ты колючим буреломом зла,
в соколиных гнёздах поселило
змей.

В твои воды брошусь я,
о Ядран, море страшное,
чтобы раздавить собой клубки змеинные,
поглотить сучки колючие.
Если бы мне только выплеснуть
так тебя, чтоб мой хребет
стал мостом надёжным,
по которому
мог хотя бы один мученик,
хоть один свидетель прошлого,
выйти из пучины на берег,
чтобы людям рассказать о том,
сколько было душ погублено
и где были острова твои...

О Ядран, о море страшное,
ты моим когда-то было зеркалом,
а теперь занято
черепами скалистых островов своих,
ставших островами

Счастливы те, кто погиб, —
они не увидят
разрушенных идеалов —
этих серых просторов.

Сизый палёт лежит
на звёздах
и на соборах.

Железные корабли
в гавань смерти
свободу вывезли.
Оттуда теперь никогда
даже чайки
не вылетят.

угощал, – я вспомнил: более десятка лет назад он учился на кафедре славистики; он активнее других угощал меня. Я ни к чему не приоткнулся. Начала мучить жажда, но я и воды не попросил – настолько все казалось отвратительным. А они закусывали с аппетитом. Прошло два часа моего пребывания в этом кабинете. Знаю, что в десять начнется конференция, и спрашиваю: «Зачем я здесь?». «Мы не знаем, нам так приказано». – «Кто приказал и почему?» – «Мы на это не можем ответить, это знает МИД». – «Наверное, вы это министерство представляете на территории Ленинграда?» – «В какой-то степени да, но мы – мелкие служащие. Мы не можем спрашивать – мы законопослушны». – «Я закона не нарушаю, и все-таки хотел бы знать, зачем я здесь отнимаю у вас время, ведь у вас есть и другая работа». – «Нам сегодня приказано заботиться о вас». Иногда они по очереди выходили из кабинета, возвращались. Когда со мной остался лишь один из них, он шепотом сказал: «Я чувствую, происходит что-то тяжелое для Вас, но в чем дело, нам не сообщают».

Снова собрались все четверо и стали меня упрашивать спуститься в ресторан, где приготовлен отдельный стол с хорошим обедом. «Я редко обедаю в ресторанах. Двенадцать часов прошло, я бы хотел поехать домой». Они переглянулись, и двое вышли с кем-то проконсультироваться. Вернулись минут через десять и говорят: «Если вы хотите поехать домой, мы вас будем сопровождать в нашей машине». – «Спасибо – думаю, что сопровождать меня излишне, вашу машину не будем эксплуатировать. У меня руки не связаны, и здесь, у Смольного, я остановлю такси. Вы мне ничего не хотели сказать, я же вам скажу: на конференцию я не пойду. И даже такси поедет на Васильевский остров не по Университетской набережной, а через мост лейтенанта Шмидта». По их лицам я понял, что у них есть сомнения. И все-таки добавил: «Я никому не угрожаю и надеюсь, что на меня сегодня не будет покушений. А вы скажите своим детям, если они у вас есть, или через десять лет своим внукам: «Мы берегли от злых взглядов писателя и коммуниста Станишича». – «Мы не знали, что вы умеете шутить». – «К сожалению, я не умею шутить, но кто-то “шутит” надо мной». Все четверо проводили меня на улицу. Я поймал такси; всю дорогу не оборачивался, но видел, что две машины сопровождали меня почти до подъезда. Через несколько дней я узнал, что члены партии из ЛГУ и Пушкинского дома были мобилизованы на подходах к Университету, и в каждой группе был кто-то, знавший меня в лицо, а рядом с каждой засадой были специальные люди в штатском, которые, в случае моего появления, должны были меня куда-то забрать.

Через неделю я узнал, что МИД СССР получил ноту от МИД Югославии, в которой было сказано: «Югославские ученые не будут участвовать в конференции, посвященной Вуку Караджичу, если там будет Йоле Станишич». Ноту якобы подписали и югославские ученые, которые, в предвидении их участия в конференции, были в той ноте упомянуты. Через полгода в Москве, на конференции по теории

художественного перевода я встретился с Миодрагом Сибиновичем, профессором Белградского университета, известным литературоведом и переводчиком, и он извинился передо мной за беззаконие, которое имело место. Его слова были: «Иоле, мы, ученые, с этой нотой и этими запретами не имеем ничего общего, никто из нас не сказал ни слова против тебя. Но в нашей группе, по приказу особой югославской инстанции – ты знаешь, какой, были два полковника, которые никогда никакой литературой не занимались; их заданием было повредить тебе, создать вокруг твоего имени смуту, вызвать конфликт между государствами». Титоизм был тогда в действии и жил долго. Кое-где на руинах Югославии он живет и сегодня.

А.Б. Ваша позиция как свободолюбивого революционного поэта определена с ранней юности, когда учеником гимназии вы написали поэму о черногорском всенародном восстании против оккупантов. Одна из ваших книг («Антенна на мраморе») открывается словами: «В моих родных краях война ранила не только каждый дом, но и каждый камень. Черногорцы говорили: на наших скалах снаряды сожгли и орлиные гнезда. Если когда-нибудь люди забудут ужасы войны, раны на камнях расскажут векам о трагическом времени. Вокруг моего дома много скал. В огне войны, на самых недоступных местах этих скал партизаны высекли слова: “СМРТ ФАШИЗМУ – СЛОБОДА НАРОДУ!” Никаким вражеским пулям не удалось стереть эти слова. С ранней юности я вижу в них самую заветную, самую величественную поэзию».

Вы говорили мне, что Ваши предки по линии отца четыреста лет гибли в бою от турецкого ятагана. В день, когда родился ваш отец, погиб его отец – ваш дед. В 1912 году в битве за освобождение Скадара, последней черногорской битве с турками, погибли два родных брата отца и еще двадцать ваших родственников, а отец получил семь ранений, две турецкие пули остались на всю жизнь в его теле, и он унес их в могилу. Но оказалось, что можно дружить с турком – как с родным братом. Ваше «Письмо Назыму Хикмету» – пример революционного братства в поэзии. Цитирую первые и последние строфы (перевод Всеволода Рождественского).

Пять веков черногорцы и турки клинки своих сабель скрещали,
громоздили наши глыбы башен из наших голов,
с черепами турецкими в Цетинье колья стояли,
и, где кровь пролилась, нет поныне ни трав, ни цветов.

До сих пор еще гневом костры в моем крае дымятся,
и битве на Косовом поле не сломлен наш дух боевой,
по звезда Октября и дороги изгнания – братство
принесли нам с тобою и общей сдружили судьбой.

Помню Мимолу, Лопарь, жестокою сеньскую бурю,

стражу смерти я видел на волчьих холодных горах.
И в осином гнезде, там, в застенках на острове Гргуре,
был твой стих для меня песней сердца и саблей в руках.

Этот факел я поднял среди мрака и бурь завыванья.
Ветвь племен непокорных, родной Черногории сын,
верен пламени сердца и предков своих завещанью,
я двадцатому веку скажу: «Этот турок – мой друг, мой Назым!»...

В море века нам виден в грядущее парус летящий,
и желанной зари всей душою касаемся мы.
Турну-Северин – берег свободы манящий –
звал от Бурсы, от Главнячи, мрачной белградской тюрьмы.

Я в Констанце стою, где на площади грустный Овидий,
гроздя боли своей я готов обнажить перед ним.
Спали голода цепи, Москву я мечтаю увидеть.
Там, под небом московским, я встречу с тобою, Назым!..

Сталинграду, Байкалу, Неве и широкому Дону
я хочу отнести моей родины жаркий привет.
Я судьбою изгнания тоже подобен Назону
и на руку твою опираюсь по-братски, Хикмет.

Ты грустишь по Стамбулу, а я все по Зете, по Ибру, –
дух поэзии вольной не служит тиранам земным,
тьнь Овидия вечно стремится к родимому Тибру,
где стоит отблеск зорь, в куполах отражающий Рим.

Й.С. Я по природе интернационалист. Ощущаю духовное родство с Федерико Гарсиа Лоркой, Пабло Нерудой, Че Геварой, Яннисом Рицосом, Микисом Теодоракисом. Доводилось встречаться со многими светлыми личностями. К примеру, с легендарным генералом, героем Сопротивления, ученым-геополитиком и писателем Пьером-Мари Галуа. Это было во Франции в мае 1996-го. Мы раскрывали друг другу душу, размышляли о судьбах человечества. И он, и я одинаково высоко оценивали героическую победу Советского Союза над фашизмом и с глубочайшей болью переживали трагедию этой крепости мужества и свободомыслия. Для черногорцев Россия всегда являлась величайшей надеждой и опорой. Такое священное отношение мое поколение перенесло на СССР. Советский Союз был самой величественной цитаделью надежд. Я до сих пор не могу смириться с тем, что эта могучая держава, грандиозное содружество народов разрушено. Гибель СССР для меня – самая страшная беда и трагедия после всемирного потопа. Я понял, что и Галуа тяжело переживает эту трагедию. Он тогда сказал мне: «Если бы я смог увидеть возрожденную Россию такой же могучей, как СССР, я отправил бы свою душу с песней на небеса».

А.Б. В мае 1999 года, когда военно-политический альянс ястребов-«миротворцев» бомбил Югославию, вы на первой странице «Правды» опубликовали открытое письмо Клинтону, президенту Америки.

И.С. Это письмо – призыв к сопротивлению агентам вселенского зла. Вот выдержки из него:

«Вы называете Вашу страну «самой миролюбивой», «цивилизованной», «защитницей прав человека» и «свободы личности», а Ваша политика и политика некоторых Ваших предшественников, стоявших у штурвала государства, превратила эту огромную страну в страшилище, в планетарную фабрику высших технологий смерти, превратила могучую государственную машину в мирового жандарма и самого опасного террориста, которого помнит человеческая история. В эти дни в Вашингтоне отмечается 50-летие НАТО. Говорится об абсолютном торжестве военной мощи, о победе нового мирового порядка, НАТО именуют «гарантом всеобщего мира». Но пакт НАТО никогда не был армией мира, он своими действиями наглядно показал, что является сборищем оплаченных наемников, чья миссия никогда не имела в себе ничего гуманного, это войско палачей.

По моему мнению, вы являетесь фактически верховным главнокомандующим самых агрессивных, самых лицемерных и самых преступных налетов на мою Родину – Югославию. Вы говорите, что вы не захватчики, но «защитники несчастных албанцев» в Косово, а смертоносная стая остервеневших самолетов (их множество, более тысячи) бомбит всю мою Родину, от древнейших национальных святынь до больниц, музеев, родильных домов и детских яслей. Вы никому не помогаете, вы уничтожаете все народы моей Родины – и сербов, и черногорцев, и албанцев, и других. У вас нет никакого права хоть камешек бросить на наши сады и поля, а вы наши пашни засеяли ужасом и полили огнем, замутили наши реки кровью наших людей и ядом ваших взрывов. Вы перерезали мосты между краями и народами моей Родины, и думаете, что таким способом разъедините наши души, что мы никогда больше не сможем построить между собой мосты доверия и братства.

Нет у меня и моего народа (у сербов и черногорцев) ненависти к албанцам. Мы с давних времен жили не только в соседстве, но и в подлинной дружбе с албанцами и в Косово, и в других краях Югославии, а также с теми албанцами, которые проживали на своей исконной Родине – в Албании. Мы помогали друг другу в трудностях и несчастьях, а добро и счастье делили по-братски. У нас не было и нет никакой национальной нетерпимости. Мы не оскверняли друг у друга ни храмы, ни национальную символику. Взаимное уважение обычаев – это была норма нашей совместной жизни. Благородные традиции всегда помогали нам решать любые внезапно возникшие вопросы. Поредко у нас возникали родственные связи и обратимст-

ва. Мы с албанцами веками жили вместе и будем жить вместе. Вы же посеяли смуту, бросили семя ненависти между нами, чтобы «под покровительством миротворцев» прибыть на Балканы и укорениться там как оккупанты...

Вы забываете, что сегодняшние сербы и черногорцы – потомки того бессмертного войска, которое 28 июня 1389 года маршировало в вечность, погибнув за свою веру и свободу. Напрасны ваши надежды на раскол нашего народа. Вы осквернили наше святое поле – Косово. Вы творите геноцид над сербами, над албанцами и черногорцами в Косово и над всеми народами, проживающими в Югославии...

Рухнули все мифы о вашей демократии, о вашей свободе, о вашей цивилизации. И могилы наших предков будут бороться против того рабства, которое вы готовите моей Родине и другим народам. Вы бомбили гордые скалы моей Черногории, на которые никогда не могла упасть тень врага. Тень вашего преступления, вашего позорного оружия уже упала на наши вечно свободные горы, на Ловчен – священный алтарь Черногории. Наши скалы вздрагивают и говорят: «Остановитесь! Вулканы нашего возмездия могут быть страшны». Между нами (жертвами) и вами (агрессорами и захватчиками) уже растет океан ненависти, и в этом виновны только вы...

Вы, господин президент, категорически заявляете о своем желании и решимости, чтоб все европейские народы от Балтийского до Средиземного моря вошли в объединенную Европу, в ваш «новый порядок». В ваш порядок преступлений и порабощений моя Родина – Югославия – не войдет. Она имеет свои святыни, свою этику, свою славную историю. Вы хотите, чтобы мы положили свою голову на плаху, где бы вы во имя нового порядка ядерной гильотиной отсекли голову и имя моей Родины, чтоб мы посрамленными вошли в XXI век и покорно молчали под Вашим запятнанным позором знаменем и под Вашим угрожающим всей Европе кнутом.

Мы, сторонники жизни и созидания, погибнем, но рабами никогда не будем. Нас можно сжечь, но никому не удастся покорить. Сопротивление злу, сопротивление агрессии – это исконный зов нашей крови и нашей совести; это многовековой национальный императив моего народа. Мой народ не будет просить Вас: «Прекратите уничтожение нашей Родины!» Я знаю, что НАТО фактически подчиняется только Вашим планам, приказам и желаниям. Ни милости, ни сочувствия мы от вас никогда не примем...

Я знаю, что в духе преступных планов вы и дальше будете бомбить мой народ или другие невинные народы. Мы до последнего человека будем сопротивляться Вашей агрессии так, как сопротивлялось нашествию Османской империи шестьсот десять лет тому назад войско сербского царя Лазаря на Косовом поле. Напрасны все Ваши надежды на победу, даже если вы десятикратно умножите свои агрессивные смертоносные эскадрильи».

Множество преступлений совершено нагонскими гангстерами уже после разрома Югославии. Круговой порукой опутаны многие

охваченные лакейским ражем страны, потерявшие суверенитет. Тут и там на просторах земного шара почва дрожит. Страшно ходить по многим полям, а еще страшнее – оказаться перед открытой пастью кровожадного зверя. Этот мир надо менять. В нем должно быть больше добра.

А.Б. В 1999 году вы были инициатором создания Общественного трибунала, который осудил руководителей всех государств, что под знаменем НАТО бомбили Югославию. Какое заседание Вам, как члену и координатору трибунала, запомнилось больше всего?

И.С. Всего было шесть заседаний: в России, в Киеве, Белграде, Софии, Берлине и Нью-Йорке – совместно с американским общественным трибуналом (его возглавляет бывший генеральный прокурор США Рамсей Кларк; вот уже тридцать лет он мужественно разоблачает реакционную политику американских правителей). Нью-Йоркское заседание происходило в 2000 году в зале, который носит имя Мартина Лютера Кинга. Было около тысячи зрителей, представители полусотни телекомпаний, десятки дипломатов из разных стран. Помню слова Кларка, открывшего заседание трибунала: «Я – американец, и мне стыдно, что я американец. Но я не имею права и не хочу выйти из этой оболочки. Боюсь, мало кто из вас чувствует ту опасность, которая грозит уничтожением всей человеческой культуры, а может быть, и жизни на нашей планете, из-за преступной политики американского правительства. Недавно я был на заседании в сенате и спросил Мадлен Олбрайт: «Правда ли, что из-за американских санкций в Ираке погибло более полумиллиона детей?» Она с улыбкой сказала: «Это правда. Но наша цель оправдывает средства». Такой цинизм будет оплачен самой дорогой ценой. История всему ведёт счёт. Час возмездия настанет, как бы ни казалось, что время зла вечно.

А.Б. Излишне спрашивать, какая тема – доминанта вашей поэзии. Вы всегда поддерживали борцов за свободу и национальное достоинство всех народов. Осуждали злодеяния черных полковников в Греции, террористическую диктатуру Пиночета в Чили, агрессию американского империализма во Вьетнаме и других точках планеты. Трагедия любого народа затрагивает ваши душевные струны. Вы беседуете в стихах с Нерудой и Рибосом, как с друзьями. Вы – люди одной свободолюбивой идеи и без воплощения этой идеи не видите счастья и спасения земли. Однако глубочайшую рану нанесла вам именно трагедия вашей родины во времена титовского правления...

И.С. Голый Оток – это универсум зла. Эта тема меня никогда не оставит в покое. Я словно камень, заговоривший от горя. Не могу забыть людей, чьи кости лежат на дне Адриатики. До сих пор слышу их вопли. Пытаюсь, хотя знаю, что они меня никогда не услышат,

сообщить им о том, что происходит с миром. В Советском Союзе нашли убежище двадцать пять югославов, которые пережили титовские лагеря смерти. Большинство из них исторические личности – известные революционеры: Владо Дапчевич, Милета Перович, Милан Калафатич, Бранко Вукелич, Лазарь Попивоца, Вукашич Милич, Момо Джурич, Стеван Дриняк, Душан Майцен... Я был самым младшим из этих двадцати пяти. Они мне были как родные братья. Сегодня из них в живых только я. Я внутренне беседую с ними, как и с теми великомучениками, что убиты на Голом Отоке. Самое трагичное – что я их, мертвых, не могу ничем порадовать. Страна и идея, которая воплощалась в жизнь с их участием, погибла. А в России – стране их идеалов – сегодня буйствует хаос и самый отвратительный антикоммунизм. Временами меня посещает кошмарная мысль: они счастливы, что не видят, как поруганы и осквернены их идеалы, как цинично оболгана славная советская эпоха.

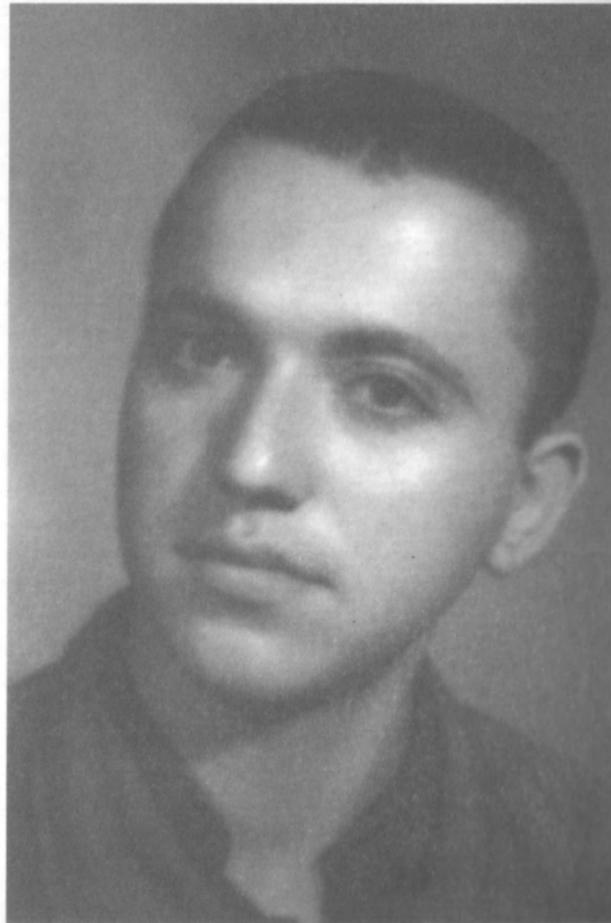
Я словно еще не вышел с Голого Отока, хотя после освобождения из титовских оков видел чуть ли не полпланеты. Кто пережил Голый Оток, тот ни во сне, ни наяву не может закрыть эту черную страницу истории. Эта трагедия вышла за рамки Югославии, стала сигналом тревоги для всех людей: никогда и никому не позволить подобного беззакония и зверства. Голый Оток напоминает об опасности, которая грозит любому народу, на чьей земле тираны возьмут власть. Когда-то я писал своей маме: «Я вернусь из тысячи и одной смерти». Даже если бы я остался в полном одиночестве, я бы ни на миллиметр не свернул со своего пути. Идеология коммунизма – закон истории. И она будет претворена в жизнь, пусть через сто или двести лет. Свободолюбивые люди мира сделают всё, чтобы в рядах компартий больше не было аферистов и подонков типа Броза, лицемеров вроде вульгарного Хрущева, предателей – как Горбачев и Ельцин (чью измену никто не сможет ни «догнать» ни «перегнать», ибо она подорвала все прогрессивное движение на планете – лишив человечество ярчайшего светильника свободы – СССР).

Я верю в то, во что верил. Верю, что коммунистическая идея доживет до гармоничного воплощения. Верю в несокрушимость духа революции (без крови). Знаю, что это романтизм, но это не пустая иллюзия: революция станет реальностью и спасет мир вопреки всем угрозам и блокадам. Сейчас немало публицистов, которые выступают против свободомыслия «детей коммунизма». На обложках их книг – наши глаза, завязанные красным платком. Но ни красный, ни черный платок не могут завязать мертвый узел на нашей душе. Коммунизма еще не было на планете нигде, было только трудное начало пути, стремление к великой цели. И светильник этой цели никогда не погаснет. В глазах моих – только свет. Я верю в силу человеческой совести, воли и разума. Верю в будущее, как бы его ни пытались у нас отнять.

Об авторе

Йоле Станишич (Јоле Станишић) родился 6 мая 1929 года в селе Виничи близ Даниловграда (Черногория). Поэт, критик, публицист. В годы Народно-освободительной войны (1941-1945) был с братьями в партизанском отряде. В 1949-1951 узник лагеря на Голем острове. Окончил философский факультет Белградского университета и факультет журналистики Ленинградского университета. С 1961 года живет в России. Много лет работал в Институте русской литературы РАН (Пушкинском доме). Инициатор и координатор Международного общественного трибунала по преступлениям НАТО в Югославии. Академик Международной славянской академии.

Автор монографии «Йован Дучич и русская литература» (Л.: Наука, 1989). В переводе на русский изданы книги его стихов: Упрямые скалы. М.-Л.: Сов. писатель, 1966; Седые орлы. Л.: Лениздат, 1969; Антенна на мраморе. Л.: Сов. писатель, 1972; Зёрна огня. Л.: Лениздат, 1973; Струны земли. М.: Современник, 1976; Морщины камня. М.: Сов. Россия, 1984; Глаза гор. М.: Сов. писатель, 1981; Солнце на скале. Л.: Сов. писатель, 1986; Заветные струны. Воронеж: ИПФ Воронеж, 2006. Произведения вошли также в «Антологию сербской поэзии**» (М.: Вахазар; РИПОЛ классик, 2004. С.591-638.).

**Автор, бывший узник Голого острова,
после выписки из белградской больницы
(1951)**

В глазах моих – только свет

Беседа с автором книги*

А.Б. Со студенческих лет я знаю ваше творчество, читал ваши поэтические книги на русском, литературоведческие и публицистические работы. Благодаря беседам с вами в последние годы лучше понял исторические процессы на Балканах. Знаю, что вы считаете себя черногорским и югославским поэтом. Я включил ваши стихи в антологию сербской поэзии XX века, учитывая, что в ней присутствует и особо любимый вами автор – черногорец Радован Зогович. Мы, русские, не разделяем сербов и черногорцев, считаем их братскими народами и надеемся на их взаимную солидарность. Вас непосредственно коснулся жесточайший террор, который после 1948 года титовский режим обрушил на тех, кто хотел сохранить дружбу с Советским Союзом – единство, продиктованное не только верностью социалистической идее, но и преемственностью традиций южных славян, веками приверженных братству с Россией. 22 года назад Бранка Богавац опубликовала обширную беседу с вами, где затронуты различные моменты вашей жизни, а также истории южных славян. Собеседница спросила: «Сегодня в прессе часто упоминается слово “титоизм“. Как бы вы охарактеризовали это явление?». Вы ответили сжато и емко:

«Титоизм – это вырожденные общественные структуры, где попрана всякая этика, где обман и беззаконие доведены до преступного абсурда. Титоизм – подлейшая и свирепейшая форма контрреволюции. Голый Оток** – концентрат и суть титоизма. Голый Оток – это фундамент его “независимости“, его “особого пути в социализм“. Титоизм означает не только уничтожение народа и лакейство перед одним человеком, но и полное уничтожение личности. Механизм Голого Отока – превращение жертвы в палача – это лицо титоизма. УДБа*** – позвоночник титовской системы. А что УДБа совершила на Голом Отоке? Создала и усовершенствовала механизм, чьей целью было убить в человеке все человеческое, создать нечто бесформенное и из этой бесформенной массы создать покорного раба, слугу режима – создать титовца. Постоянными мучениями и издевательствами были созданы существа, у которых нет своего «я», нет своего лица, нет ни одной искры веры ни во что доброе и человеческое. Люди были доведены до такого ужасного состояния, что говорили:

* Записана А. Банишевским с сохранением ряда черт стиля собеседника.

** Серб.-хорв.: *Голы Оток*. В тексте стихотворений везде: *Голый остров*. Находится в северной части *Йорана* (Адриатического моря) между островом *Риб* и горой *Велебит*.

*** *УДБа* – управление госбезопасности в Федеративной Народной республике Югославии, спецслужба, осуществлявшая репрессии по распоряжению партийно-государственной верхушки.

Пелебитом, не только Святой Григор, Улиш, Вилеша, Стара Градина, Глашича, Мамула и многие другие места мучений. Ваш брат, Душан Богавац, сказал в одной беседе с Джиласом, что Голый Оток – гораздо шире этого понятия, что он везде, где правитла уездная, областная или краевая УДБа... Я бы также согласился, что в течение многих лет после 1948 года психологическим Голым Отоком были вся Югославия. В то время не было ни одного честного югослава, который не ожидал полночного звонка или стука в дверь. Они ложились спать ночью. Никакая средневековая охота на ведьм, никакая охота на жидовных не может с этим сравниться. Речь идет о чем-то совсем черном, античеловечном. Один из переживших пытки на Голым Отоке сказал на страницах газеты "Борба": «Там мы все убиты». В каком-то смысле он прав, ибо там у узников убиты их самые лучшие души. Но кое в чем обманулись и самые выдающиеся заплечных дел мастера УДБы. Человек омолаживается, воскресает, как сожженный кустарник, о котором оставила свидетельство поэзия. На этой страшной дробилке, перемалывавшей людей, многие вышли моральными победителями. Категорически подчеркиваю следующее: на Голым Отоке убит титоизм, убит перед историей, перед человечеством... Эта система проклята и во веки веков пригвождена к позорному столбу!»

Что бы вы сегодня добавили к сказанному тогда?

Й.С. На Голый Оток и в другие лагеря с 1949 по 1955 год было брошено более ста тысяч югославских коммунистов, стойких революционеров, друзей СССР, сторонников пролетарского интернационализма. Это были честнейшие люди; вся их вина состояла в том, что они считали: отрыв от России губителен для Югославии. Среди узников были представители всех наций страны, люди всех профессий: рабочие и земледельцы, ученые, живописцы, писатели, лучшие военные кадры. Здесь оказались герои партизанского движения, генералы, депутаты народных скупщин всех республик, многие члены Центрального и краевых комитетов КПЮ. В том числе участники Октябрьской революции, сотрудники Коминтерна, ветераны интернациональных бригад в Испании. Попадали сюда и студенты, и ученики средних школ, которые, подобно молодогвардейцам, верили в идеалы свободы и пытались их отстаивать. Здесь обращались с ними хуже, чем со скотом, их жизнь не ставилась ни во что, многие нашли здесь свою гибель. Голый остров ужаса и смерти – позорнейшая страница истории XX века.

Титоизм сам себя сожрал. Десятилетиями я читал книги о средневековой инквизиции, о страшных лагерях XX века, беседовал с людьми, которые пережили Освенцим, Дахау, другие фашистские лагеря. В любую эпоху, в любой стране лагеря отмечены ужасом, бывает много убитых, умерших от голода и болезней, но нигде я не

отца, что брат Тито принужден воювать брата, оживившего друга друга, которого считал ближе брата. Но при титовском режиме, оттерренившись от проливной ливниной крови, всеобщим законом было – рвать великие традиции и святейшие узы родства и доверия. Режим сеял ядовитую ненависть и подлость, был доведен до жесточайшего абсурда. Были поправы все этические и юридические нормы, применялись самые жестокие пытки из арсенала мировой тирании и инквизиции. Своими грязными кровавыми руками палачи вырывали у людей душу и делали всё, чтоб эту пустоту в измученном человеке заполнить алчной заразой своей злобы, своей отравы. Титовская тирания – это глубочайшая катастрофа южных славян и опасность мировой заразы.

А.Б. Один ваш ответ смутил Б. Богавац. Она вас спросила: «Как вы себя чувствовали в тот день, когда узнали, что умер Йосип Броз?» Вы ответили: «Мне было грустно». Она сказала: «Разве это возможно?» Ваши слова были: «Возможно. Я грустил из-за того, что мой народ не сверг тирана при его жизни, не привлек его к ответственности по закону и не посадил на скамью подсудимых, чтоб он сам рассказал, как захватил и укрепил свою личную власть. Однако если бы до этого дошло, я бы никогда не согласился с применением телесных наказаний и пыток. Я всегда был против избияния и цепей по отношению к кому бы то ни было на свете. То, о чём я рассказал в своей поэзии, ужасает, но это лишь частица грозной правды; не забудьте, что действительность в тысячи раз страшнее самых трагических сцен в поэзии и литературе».

Й.С. Добавлю к этому следующее обращение к себе и ко всем, кто своим пером защищает человечность: зло и тиранов надо утопить в чернилах. Многие люди ожидают суда истории. Многие надеются на Божий суд. Я считаю: тем, кого осудит поэзия, не может быть убежища и спасения. Суд поэзии имеет планетарное значение. Правдивым поэтическим строкам не грозит ржавчина, не грозят забвение и смерть.

А.Б. Русские слависты в последнее время редко критикуют правление Тито. Они называют его «привлекательной исторической личностью».

Й.С. Тито вошел в историю, но не как борец за свободу и единство народа. Гражданская война в Югославии является следствием его авантюристических действий. Научные изыскания подтверждают, что Броз с давних пор был таким лжецом и клятвопреступником, каких до него на Балканах не бывало. Это был насильник и кровопийца, украшенный орденами и чинами алчный самозванец, верховный вдохновитель всемогущего механизма уничтожения и дирижер

ужаса в стране, где он правил. Кто-то скажет: «В международных делах он был миротворцем». Нет, он был предателем и подлецом. Годами поощрял клевету на Советский Союз, разжигал ненависть с огромной страстью, подобной ветру, который разносит пожар в лесу в дни летнего солнцестояния.

А.Б. Во многих книгах, изданных в Югославии, упоминается, что Тито сказал «нет!» Сталину и Коминформу.

Й.С. Это выдумка. Никакого «нет!» Тито не сказал. Он просто отошел от международного коммунистического движения. Югославия сама себя исключила тем, что ее представители не явились на второе совещание Коминформа в Бухаресте. В 1948 году Тито в своих выступлениях и в официальных документах V съезда КПЮ клялся перед народами Югославии в верности великому Сталину и славному Советскому Союзу. Такие заклинания звучали даже осенью 1949-го. Но это глубочайшее лицемерие, ибо уже были ликвидированы многие выдающиеся коммунисты, тысячи друзей Советского Союза брошены в тюрьмы и подвергнуты жесточайшим пыткам. Опровергать это – значит навязывать людям политический дальтонизм.

А.Б. Было ли у Сталина намерение ввести Советскую армию в Югославию и таким образом решить спорные вопросы?

Й.С. Вся борьба югославских партизан была бы напрасной без Красной Армии. Решающую роль в освобождении Югославии сыграла именно она, всему миру известно, что в Югославии погибли десятки тысяч советских воинов. Сталин и Советский Союз выполнили свой интернациональный долг и после освобождения Югославии: подарили югославской армии вооружение, в том числе сотни самолетов. Советский Союз послал тысячи специалистов, чтобы помочь не только армии, но и всей стране в создании промышленности. Он оказал народам Югославии огромную материальную помощь в те дни, когда многие советские люди голодали, особенно в той части своей родины, где были разрушены сотни городов. Между тем, в разных книгах и газетных публикациях утверждается, будто Сталин хотел поработить Югославию.

После июня 1948-го в Югославии было арестовано несколько сот советских граждан (большинство были потомками белой эмиграции, а после войны получили советское гражданство). Были арестованы и некоторые русские люди старшего поколения, в том числе священники. Осенью 1949 г. титовская пропаганда объявила, что НКВД вербует против Югославии «даже русских белоэмигрантских священников». Готовились судебные процессы в Белграде и в Сараево. На заседании политбюро ЦК ВКПб, в ноябре 1949 года об арестах граждан в Югославии доложил Молотов. Сталин сказал

рассмотрим этот вопрос и решим, что делать. На заседание был приглашен и вождь югославских патриотов, легендарный генерал Перо Попивода. Попивода мне рассказывал подробно об этом заседании.

«Высказались по очереди все члены политбюро. Все они считали: необходимо ввести в Югославию Советскую армию. Товарищ Сталин спросил и мое мнение. Я сказал: «Народы Югославии всегда боготворили Красную армию, благословляли ее спасительную роль. И сегодня народы Югославии будут с Советской армией». Слово «вводить» или «не вводить» я не упоминал. Очередь дошла до Молотова. Молотов сказал: «Я не согласен с введением Советской армии на территорию Югославии. Неудобно перед историей: прольется славянская кровь». Последним выступает товарищ Сталин: «Я не согласен с товарищем Молотовым. Что значит славянская кровь? Эта такая же кровь, как и кровь других народов». «В ту минуту, – рассказывает Попивода – я почувствовал на лицам и глазам радость членов политбюро, но никто не нарушил тишину. А Сталин продолжил: «Но я абсолютно не согласен с остальными членами политбюро. А вам хочу сказать, товарищ Попивода: я знаю, что вы осознаете значение Красной армии и что вы вместе со своим народом будете верны освободительной миссии нашей армии. Если югославский народ создаст пусть небольшой «островок» сопротивления на своей родине и если достойная личность нас пригласит, наша помощь будет незамедлительно оказана. Пока этого не будет, ни один наш солдат не вступит на территорию Югославии. *Мы марксисты-ленинцы и никогда не были и не будем сторонниками импорта контрреволюции и экспорта революции!*»

Этот рассказ П. Попивода повторял мне несколько раз и всегда ужасался, как клеветники извращают исторические факты. Он любил говорить: никогда Сталин не был захватчиком, он был принципиальным защитником суверенитета любого народа. Весь рассказ Попиводы имеет полное подтверждение в личном архиве Сталина и политбюро ЦК ВКПб.

А.Б. В России до сих пор мало знают о Голом Отоке, о том, кто из югославских писателей там томился, кто там убит. Однако неоднократно упоминалось, что узником Голого Отока был, будто бы, Добрица Чосич. Б. Богавац обратилась к вам с вопросом: «Читая ваши литературоведческие статьи о Леониде Леонове, я видела, что вы пишете и о Чосиче, что вы перевели на русский язык его эссе о Леонове. Вы знаете, что пресса в последнее время часто писала о визите Чосича на Голый Оток. Помог ли он вам в чем-нибудь? Как заключенные отнеслись к нему?».

Вы ответили так: «Когда Добрица Чосич посетил Голый Оток, к этим кровавым камням могли приблизиться только самые доверенные лица УДБы (т.е. часть ее руководящего ядра или кто-то по специальному заданию). Все знали, что прибытие Чосича на Голый Оток не могло состояться без разрешения Броза или Ранковича. За-

ским страдальцам, я бы приехал, чтобы послушать вас. Добрица Чосич. 12.06.1995г.»

Еще несколько слов Чосича необходимо привести: «Наша борьба за свободу и новое общество была сожжением собственных домов, домов родителей, братьев и сестер». «История наказала нас вождем, который один оказался сильнее двадцати миллионов своих подданных. Среди них не было никого, кто бы, как Брут, больше любил Рим, чем Цезаря». В этих словах Чосича – осознание глубочайшей трагедии, к которой ведет гражданская война, и осуждение народной покорности, обеспечившей долгую жизнь тирану.

И в Сербии, и в Черногории было немало партизанских героев. Но в братоубийственной войне было слишком много невинных жертв. Подсчитано, что в Черногории больше людей погибло от рук своих, чем от итальянских и немецких оккупантов. В этой борьбе родилась ОЗНА – служба контрразведки, предшественница УДБы, о которой Оскар Давичо (чтоб угодить Ранковичу), сказал: «ОЗНА – всё узнает». Из ОЗНЫ выросла УДБа, а Ранкович сказал: «УДБа – меч революции». При этом слове у многих леденеет кровь в жилах. Горькие плоды деятельности этой тайной службы вкусили все народы Югославии.

А.Б. В 1949 и в начале 50-х годов в советской прессе часто упоминалось о подлом предательстве «клики Тито – Ранковича», об арестах и убийствах югославских коммунистов-интернационалистов. Но о лагерях смерти и об их ужасах и тогда конкретно не писали. Во второй половине 50-х годов настали иные времена, изменилась политическая линия. Но эта «линия» была неустойчивой, трудно было определить: сближает она народы или разделяет. В последние двадцать лет в русской печати редко упоминалось об арестах в 50-е годы югославских коммунистов – друзей СССР, а то, что террор против приверженцев идеи братства с Россией продолжался и позднее, фактически мало известно у нас и поныне.

Я знаю, что в Югославии вышло немало книг, в основном воспоминания, о застенках титовского режима. Но я не встречал ни одной поэтической книги или общего сборника – антологии мученичества. Знаю, что югославская пресса («Он», «Монитор», «Победа», «Борба», «Стваранье», «Политика») упоминает вас как поэта, который впервые глубоко затронул тему Голого Отока. Вы многогранный лирик, пишущий о природе, о тайне любви, но ваша поэзия всегда социально определена. Сейчас передо мной книга, вся посвященная страшному времени вашей жизни – жизни узника на Голом Отоке. Эта тема всегда была – явно или неявно – доминантой вашего творчества. Через кошмар Голого Отока прошли несколько десятков югославских литераторов. Написал ли еще кто-то из них поэтическую книгу об этом аде, как вы его справедливо называете?

И.С. Мне жаль, что в сегодняшней России не упоминают о злодеяниях титовского режима, но я не удивляюсь, ибо многие «забыли» и свою историю, и ту славную роль, которую в XX веке сыграл Советский Союз как спаситель европейской культуры, спаситель человечества. Для меня Советский Союз всегда останется победителем фашистской орды и вдохновителем всех свободомыслящих людей на планете. А тему Голого Отока, первым затронул, видимо, я – в своем сборнике «Зоны смерти» (1956) и поэме «Пою Октябрь» (1957). Там, среди стихов, посвященных природе и войне, рассеяны малозаметные искорки этой темы, но те, кто прошел через Голый Оток, узнавали и малейшие отголоски того страшного опыта. Узнавала и тайная полиция – УДБа, которая грозила мне смертью. Мой жизненный путь – путь сторонника коммунистической идеи, революционного борца – был тернист. Десятилетиями я жил вдали от родины. Советский Союз не был мне чужбиной – я верил, что это моя вторая родина, но свой родной край не мог увидеть в течение 37 лет. Мое имя в Югославии было под запретом, агенты УДБы пыгались меня физически уничтожить в разных странах.

Отдельные стихотворения о Голом Отоке есть у десятков поэтов, но особого цикла или книги я не знаю. Быть выдающимся поэтом Голого Отока я не претендую. Был бы очень рад, если б таких поэтов было больше. Но ни в одном словаре мира нет такого богатства слов, которые могли бы впитать в себя все нюансы, все изломы человеческой души в безднах боли, в мученических сетях метаморфоз, в падениях и мраке безнадежности, в неожиданных воскрешениях почти из мертвых. Для того чтобы выразить полноту ужасов новой инквизиции – необходимо было бы соединить гений Данте, Шекспира, Достоевского и Негоша. Может быть, в будущем появится такая личность. У переживших тот апокалипсис накопилось столько боли, что это похоже на огромную каменоломню страдания. Не всем узникам удалось пережить Голый Оток и сохранить честь, чистую совесть и свои убеждения. В этой «каменоломне» есть разбитые сталактиты страха, есть кратеры жажды, высохшие челюсти голода и чудовища сомнения. И все это над бездной отчаяния! Там материал для будущих скульпторов, живописцев, композиторов и поэтов новых эпопей.

А.Б. Во время массовых арестов и депортации заключенных в лагеря смерти на пустынные адриатические острова, были ли протесты ООН в связи с нарушениями прав человека в Югославии?

И.С. В ООН никаких протестов не было. Капиталистические правители и буржуазные идеологи радовались ситуации в Югославии. Всем известно, что кровь коммунистов они не считают человеческой кровью, их радует, когда в странах, где началось построение социализма, происходят трагедии. Тогда у них появляется надежда, что эти страны станут их вассалами. Мало кто помнит, что в начале

50-х годов титовская дипломатия пыталась сколотить так называемый Балканский пакт (Югославия – Греция – Турция), который прямо был связан и согласован с НАТО. Сегодня историки забыли о существовании такого пакта, а зря.

В 50-е годы состоялось несколько Конгрессов сторонников мира, где видную роль играли советские деятели культуры: Александр Фадеев, Константин Симонов и другие. Представители Югославии, сторонники Тито, были исключены из президиума Конгресса. Конгресс сторонников мира осудил «титовскую клику» за террор, аресты и убийства югославских патриотов и избрал в президиум подлинного героя, генерала Перо Попиводу.

А.Б. Сколько стихотворений о Голом Отоке вы напечатали в своих книгах, в общих сборниках («Дни поэзии»), в советских журналах и газетах? Какая из советских публикаций вас больше всего порадовала? Как вам вообще удавалось печатать эти тексты? Ведь советская цензура не пропускала эту тему, дабы не осложнить дипломатических отношений с титовской Югославией.

Й.С. Я опубликовал в советской печати более ста стихотворений о Голом Отоке, но неопубликованных у меня гораздо больше. Из стихотворений данной книги на моем родном языке напечатано очень мало (с десятков), но почти половина опубликована на русском (остальные сейчас переведены впервые). Больше всего я был рад публикации поэмы «Замурованный крик» в переводе Михаила Дудина. «Здесь, в Москве, ее не напечатают, – сказал он мне в 1969 году. – Ты едешь в Ашхабад. Там есть хорошие ребята, там Кербабаев, Каусов и другие – поговори с ними». В Туркмении я впервые увидел пустыню. Меня предупредили: «Не уходи далеко. Песок живой, он движется». А я пошел по пустыне, нигде никого в течение трех часов не видел и потерял то место, где должны были меня забрать. Волны песка начали меня пугать. Они двигались. Наконец меня нашли, привезли в город. Я отказался от вечера, который писатели хотели провести в мою честь, и ушел в гостиницу. Всю ночь не спал, писал (за ночь родилась поэма «Каракумы»). Я пробыл в Ашхабаде месяц. Выступал по радио, по телевидению, поэму «Замурованный крик» напечатали в одной из главных газет республики, потом сброшюровали. Вернувшись в Ленинград, я опубликовал ее в книге. Эта поэма вызвала гнев Броза, началась охота на меня.

В 1976 году Брежнев посетил Югославию. Один из официальных переводчиков потом рассказал мне вот что. К тому времени в Югославии уже было дважды издано собрание сочинений Солженицына, Советский Союз направлял по этому поводу ноты протеста. Брежнев сказал Тито: «Как-то неудобно, что ваши издательства печатают Солженицына; он враг нашего государства». Тито ответил: «У нас издательства свободны. Мы не вмешиваемся в их дела». Го-

гда Брежнев сказал: «А у нас всё печатается только по согласованию с партийными организациями». Тут по команде Броза Минич (министр иностранных дел) достает пачку моих книг, изданных в Советском Союзе. «Вот там у вас некий поэт, который тоже является нашим врагом, вещает...» – «Мы разберемся». Тогда как раз вышла книга «Струны земли»; вскоре она за один день была изъята из продажи во всех городах Советского Союза. Я пришел в магазин «Книги» на Невском проспекте. Накануне было почти сто экземпляров, а теперь – ни одной. «Неужели всё распродано?». Продавец ответил со страхом: «Пришел человек и все ваши книги забрал». Звоню в другие магазины – нигде ни одной книги.

Я отправился в Москву и позвонил в ЦК. Референт по культуре Шауров спрашивает: «Но вы получили гонорар?» – «Получил». – «Дальше вам нечего интересоваться». – «Как нечего?» – «Если в книге что-то не так, это вина редакторов». – «В моей книге нет ни одного слова против государства или какого-либо гражданина. Никакой вины редакторов нет». – «Мы с редакторами сами разберемся». – «Что значит разберемся?» – «Мы их сменим». – «Никакой смены не может быть. Если вы не верите товарищам Прокушевой, Сорокиной и Кузнецовой, я покончу с собой на Красной площади». – «Что, у вас пистолет есть?» – «Пистолета нет, но я возьму лезвие и вскрою себе вены». От редакции издательства «Современник» беду удалось отвести. Однако работник ЦК мне сказал: «Вам теперь будет трудно печататься, вы вышли на дипломатическую орбиту, дело касается взаимоотношений между государствами».

Однако никогда в Советском Союзе цензура не вычеркнула ни одной моей поэтической строчки. Юридически никто не мог придраться к моим стихам. Титовская охранка через МИД Югославии протестовала против их публикации, но никогда в нотах не конкретизировалось, чем стихи им мешают. А я ни ближайшим друзьям, ни редакторам не объяснял, о чем эти стихи на самом деле. В примечаниях к сборникам говорилось, что я разрабатываю антифашистскую тему и продолжаю традицию, начатую Гораном Ковачичем.

Хорватский поэт Иван Горан Ковачич создал знаменитую поэму о злодеяниях усташей и других фашистов – «Яма». Его зарезали в 1943 году четники в глухом лесу, никто не знает, где его могила. Наши партизаны нашли окровавленные страницы из его тетради, с набросками, которые невозможно было прочитать. Но большую часть стихотворений Горана спас черногорский революционер, историк Петар Комненич. Ковачич одно время был в его партизанском отряде и оставил ему почти все свои оконченные стихи. В 1943 году Горан посвятил Комненичу стихотворение «Наша свобода». В 1948 году Комненич был председателем Народной Скупщины Черногории. В 1948 году он и большая часть политбюро компартии Черногории были арестованы за согласие с линией Советского Союза.

В 1950 году, после тяжелого бойкота*, который я пережил в бараке №9, я был перемещен в барак №12. Узников этого барака ежедневно отправляли на тяжелую работу за колючей проволокой. Никто из других барачников не видел, где мы работали. Нам пришлось вгрызаться в землю и вытягивать камни; возник большой котлован, который обнесли толстой, почти как китайская, стеной. По стене днем и ночью ходили офицеры УДБ и милиционеры с автоматами. Потом другие люди, не знаю кто, построили в котловане барак и отдельно, на высоте стены, специальный домик. Там была особо изолированная яма-тюрьма – то, что в Азии называют «зиндан». Позднее стало известно, что там применяли страшные пытки. Там был собран цвет югославских революционеров, участников международного коммунистического движения. УДБ превратило эту яму в инквизиторскую твердыню, ее назвали «объект 101». А узники прозвали ее «Петрова Рупа» («рупа» означает «углубление» или «яма»). Первого узника, которого УДБ бросила в эту яму, был Петар Комненич, партизанский командир и друг Горана Ковачича.

В одном из стихотворений я обращаюсь к убитому Горану: прошу его разрешения разрабатывать поэтически ту тему, которую он начал в своей «Яме», ибо тот нож, который убил поэта, грозит славному революционеру Комненичу. В нескольких моих сборниках есть циклы: «Стоны Горана», «Монолог Горана», «Вопли Горана»... Фактически Ковачич – мой поэтический спаситель. Вопли Горана в моих стихах – это мои вопли. Горан в моей поэзии – это я. Хотя эпохи не совпадают, но по злым делам во многом адекватны, нынешнее зло даже превосходит прежнее.

А.Б. В этой книге вы впервые последовательно объединили свои стихи разных лет, связанные с темой Голого Отока. Когда от страданий невозможно хоть на миг отрешиться, отделить их от себя, трудно и помыслить о «литературном труде». Как правило, пишут потом – вновь окунаясь в пережитое. Когда вам удалось впервые поэтически воплотить эту бесконечно ранящую тему?

Й.С. Какие-то строки приходили еще в лагере. Но я ничего не мог записать на бумаге, и ни одно мое поэтическое слово там не было произнесено – некому было доверить. Бумагу УДБ давала только в случае, если заключенный желал дополнить протокол следствия, а это означало – предать кого-то из соратников, кого-то из друзей, родственников, единомышленников, «врагов Тито и партии». Я твердо решил погибнуть, но никого не привести на Голый Оток. Из-за своей «пассивности» пережил бойкот, прогоны сквозь строй, самые тяжелые работы. Жажда остаться живым и когда-нибудь написать правду обо всем этом горела во мне. Ведь здесь, под горой Ве-

* *Бойкот* – в условиях Голого Отока: тяжчайшее испытание, означавшее полное лишение всех прав и прямую угрозу жизни.

лебит, обосновался самый настоящий ад. И еще одно держало меня в жизни: мысль о маме, о том, что для нее страшнее всего моя гибель и то, что она никогда не узнает, где мои кости (а их бы бросили, как сотни других, на дно Ядрана).

После освобождения я много писал о пережитом, но скрывал это даже от самых близких. В моей книге «Зоны смерти» есть строки, которые узники Голого Отока верно истолковали как свидетельство их жизни. Эти стихи распознавали и удбисты, особенно те, кто был следователем на Голом Отоке. Для тех, кто не был в курсе дела, эти стихи выглядели, как отражение военной темы, проклятье войне. В поэме «Пою Октябрь» были строки: «Я босиком прошел голые острова и услышал крики с виселиц». Поэма была напечатана в Белграде, и московское радио, вещавшее на Югославию, передавало ее на сербском языке в дни сорокалетия Октябрьской революции.

Почти все стихотворения данной книги созданы давно (сорок-пятьдесят лет назад). Трагедия, запечатленная в них, во многом дублирует трагедию моей жизни. Надеюсь, что читатели и по их содержанию, и по моим пояснениям поймут, о чем эта книга, что и кого она осуждает, во имя чего ратует. Это художественный документ, поэтическое отражение глубочайшей трагедии, острейшее осуждение беззакония – палачества титовской эпохи. Реквием по убиенным и умершим от последствий пыток. Мозаика воплей, хроника страдания и завещание в духе этики моего народа: забвение – вторая смерть. После второй смерти нет воскрешения, остается только ледяная пустота. Берега и острова Адриатики сегодня живут другой жизнью. Голоса убитых не слышны, они забетонированы на дне моря, но я их слышу. Убитые были праведниками, героическими борцами, романтиками, они мечтали о мирной и счастливой жизни на земле. Временами мне кажется, что голос поэзии может вызволить народ из унижения, страха перед действительностью. Может быть, поэзия прикоснется к нерву времени, к тем дням, когда была изувечена судьба народа, искажен лик свободы. Для меня поэзия – светлое оружие духа, которому никакое насилие не набросит петлю на горло. Поэзия, которая вырвалась из казематов тирании, неукротима. Ее крылья не может сжечь никакая сила. Ей под силу убить семиглавую гидру, заставить ее не появляться вновь под солнцем.

А.Б. В 2008 году на первых страницах «Политики» была напечатана беседа с вами. Один из вопросов гласил: «Чего хотели Сталин и Молотов, обращаясь со своими письмами к Центральному Комитету Компартии Югославии?». Ваш ответ был короток и ясен: «Сталин и Молотов этими словами дружеской критики хотели спасти компартию Югославии от оппортунистической и ревизионистской заразы».

И.С. В 1947 году было создано Информационное бюро коммунистических и рабочих партий. Кроме ВКПб, в него входили компартии стран народной демократии: Болгарии, Югославии, Венгрии,

Все они были арестованы, а Броз делал вид, что он об этом не знает. В Коминтерне он старался каждому из них навредить, обычно такими словами: «Товарищи, в Югославии имеются сведения, что такой-то и такой-то на следствии в полиции выдал все связи, из-за чего полиция парализовала деятельность компартии, раскрыла большую часть подпольных центров». Самое гнусное и отвратительное, что совершил Броз, – он очернил выдающихся коммунистов той эпохи, твердя, что такой-то и такой-то – «троцкист», «брат его дружит с троцкистом» и т.п. Когда в конце 1938-го Коминтерн пригласил Вальтера в Москву, ему сказали следующее: «Вы всех называете фракционерами, а ведь вы сами фракционер... Не исключено, что когда вы вернетесь, вы скажете, что имеете мандат возглавить компартию Югославии. Но в данное время никто такого мандата не имеет. А что касается вашей роли, мы можем через вас передать югославским товарищам резолюцию, из которой они узнают, какой, по нашему мнению, должна быть их тактика и стратегия».

Дмитрий Мануильский писал: «Уже известно, кто виновник провала испанской экспедиции добровольцев в черногорском приморье; им является Вальтер. И ему нельзя доверить никакую руководящую роль в компартии Югославии; он может работать только в низовой организации». Георгий Димитров с этим полностью согласился. Когда Броз уехал из Москвы, он обманул сперва югославских коммунистов в Париже, а затем в Югославии, будто Коминтерн доверил ему мандат сформировать новое руководство партии. Для коммунистов Югославии в то время директивы Коминтерна были неоспоримы – их выполняли беспрекословно. С помощью таких ухищрений Брозу удалось организовать в конце 1940 года так называемую пятую конференцию компартии в лесу недалеко от Загреба, где присутствовало несколько десятков делегатов почти из всех краев Югославии. Было избрано новое руководство – все под псевдонимами, но генерального секретаря никто не выбирал, ожидали решения Коминтерна. Такого решения не было. Лишь позже Брозу путем лжи и интриг удалось занять высший пост в партии. Скоро началась вторая мировая война, и после оккупации Югославии вспыхнули восстания и в Сербии, и в Черногории. Роль Броза в народном освободительном борьбе в Югославии сильно преувеличена. Однако именно во время войны он безмерно возвысился, и это открыло ему путь к кровавому эксперименту над народом Югославии.

Кто первый восстал, историки еще точно не установили. Часть сербского народа считает, что это сделала группа королевских офицеров во главе с Дражей Михайловичем. Партизанское восстание в Сербии вспыхнуло в начале июля 1941 года. В конце 1941 года была попытка объединить оба восстания, таково было и желание Сталина. Велись переговоры, но они не дали результатов. Дело дошло до междоусобной борьбы. Относительно того, кто первый на кого попал, и сегодня между историками нет согласия. Момо Джурич, командир батальона, охранявшего верховный партизанский штаб, го

ворил мне: «Я присутствовал на переговорах и знаю, что люди из окружения Дражи Михайловича сообщили Тито, что у них тоже есть люди, которые бы хотели прислушаться к совету Москвы. Мне казалось, что какую-то большую ошибку сделали мы – партизаны, что мы напали первыми. Но меня потом убедили, что это сделали четники». Джурич рассказал мне один эпизод, о котором никто не писал.

Однажды в Боснии, говорил он, пригласили меня Джилас, Ранкович и Кардель на прогулку. Я их никогда ни о чем не спрашивал. На какой-то лужайке Джилас предложил: «Давайте здесь остановимся и немного поговорим». Остановились, и Джилас начал: «Вопрос очень серьезный, надо что-то предпринять. До каких пор товарищ “Старый” (Тито) будет нас дурачить? Мы коллективно на заседаниях верховного штаба и представителей Центрального Комитета КПЮ выносим решения, а Старый потом всё поворачивает по-своему. На заседаниях он спрашивает в связи с обсуждаемым вопросом: “Что ты думаешь, что думает товарищ Бевец (Кардель), что товарищ Марко (Ранкович), что товарищ Црни (Жуёвич), что товарищ Джидо (Джилас)?” и т.д. А потом остается только приказ Старого, в котором не принято во внимание ни одно из наших предложений...» После слов Джиласа Кардель побледнел – не проронил ни слова. А Ранкович холодно посмотрел на Джиласа и резко сказал: «Друже Джидо! Не забудь, что Старого послала Россия и Коминтерн». После этих слов Ранковича все умолкли, никаких комментариев не было.

Рассказ Джурича убедительно отражает психологическую атмосферу того времени: то, что исходит от России и Коминтерна – свято. Этому надо подчиняться. Мне это напоминает реакцию старых кумушек (разных тётъ и соседей), когда случается несчастье: все плачут, и вдруг кто-то встает и произносит: «такая воля Божья».

А.Б. Кто отдал приказ об аресте коммунистов, друзей Советского Союза в 1948 году?

И.С. Никакого приказа – юридического документа – не обнаружено, да его и не было. Была воля одного лица, вокруг которого был создан ореол всенародного обожествления и послушания, – Иосифа Броза. Когда на заседании политбюро КПЮ зачитали письмо Сталина и Молотова, Сретен Жуевич, выдающийся сербский коммунист, сразу высказался в том духе, что критику надо с благодарностью принять и постараться исправить ошибки. Жуевича поддержал Хебранг, а Броз сказал: «Товарищи, по-видимому, мы немного устали, перенесем заседание на завтра и продолжим дискуссию. Джилас вспоминает: «На завтрашнем заседании места, на которых сидели Жуевич и Хебранг, были пусты, и никто из членов политбюро не осмелился спросить, где эти два товарища. А они были ночью тайно арестованы; так Тито приказал Ранковичу». Ни на каком заседании политбюро и ЦК КПЮ не принимались решения об аресте или физической ликвидации коммунистов, в том числе руководящих. Ника-

ких решений по этим вопросам не было и на заседаниях правительства и других высоких госучреждений. Была только воля двоих – Тито и Ранковича. И эта воля без всяких оговорок была всемогущей, ей покорился весь народ.

До сих пор не найден (наверное, его и не существовало) юридический акт (решение!) о создании лагеря пыток на Голом Отоке. Это был первый лагерь в Югославии со времен Народно-освободительной войны. С его жестокостью несопоставимо ничто в истории балканских государств, даже во времена, когда Балканы находились под оккупацией разных агрессоров. Ничего подобного не встречается и в мировой истории, криминалистике, юриспруденции, в анналах инквизиции и палачества: чтобы люди одной крови, одного рода, одной идеи и идеологии, одного содружества, одной семьи так друг друга уничтожали, физически и духовно, травили последнюю искру души. Броз неистовствовал на совещании УДБы в 1949 г.: «Товарищи удбисты! Ударьте по их голове! Их надо истребить... Заставьте их пожирать друг друга...»

После этих слов, произнесенных на ответственном секретном совещании, офицеры и руководители всех УДБы уровней по тюрьмам и лагерям мучили и уничтожали людей с нарастающим остервенением. Под покровом ночи забирали тех, в отношении кого было хоть малейшее сомнение или на кого был донос, забирали не только в тюрьмы, но и вывозили к границам страны и там убивали, а потом распространяли информацию: там-то и там-то ликвидирована группа информбюровцев – врагов товарища Тито и партии. Кто первый дал идею создать лагерь Голый Оток? Мнения компетентных лиц совпадают: это мог сделать только Броз. Возможно, он имел советников, консультантов; некоторые считают, что ему помогал хорватский руководитель УДБы Иван Стево Краячич. Но главным исполнителем злодейских замыслов Броза, всех его преступных желаний был абсолютно преданный ему функционер – серб Александр Ранкович.

Публицист Владимир Дедиер, биограф Йосипа Броза, в течение многих лет украшал его жизнеописание многозвучными эпитетами о «стратегических талантах» вождя, был популяризатором Броза в мировом масштабе и помогал ему в «разоблачении» деятельности Коминформа. Но в сознании Дедиера в последние десятилетия его жизни произошла эволюция (возможно, он испытал и угрызения совести). Он сказал много правды о том страшном периоде, который раньше лакировал, золотил объемными поэтическими гиперболами. У позднего Дедиера есть и такие правдивые выводы: «Ни один царь, ни один фараон не любил такой роскоши и не располагал ею, как Йосип Броз, у которого на территории Югославии было 67 дворцов...» Огромные имения, виноградники, леса, охотничьи угодья, куда никто не смел приблизиться – там были только охранники и обслуживающий персонал. В некоторых из этих дворцов Броз даже никогда и не бывал. А ведь там могли бы отдыхать и поправлять здоровье десятки тысяч пленных, но они об этом не смели и ду-

мать, никто не осмелился высказать такую идею. О Ранковиче Дедер заметил, что это «самый послушный пес на цепи Йосипа Броза». Есть интересная деталь. Когда речь шла об осуждении на смертную казнь, Броз говорил: «Леко, Ранкович, это ты подпиши». А если речь шла о помиловании – подписывал Броз. Учитывая то, что историки часто опираются лишь на письменные источники, у них найдется немало материалов, в которых Броз выглядит великодушным, мягким, могут найтись оправдания и в народной песне, где его величают «белой лилией»: «товарищ Тито заслужил, чтоб править всеми Балканами и частью Европы».

А.Б. Как осуществлялась титовская карательная педагогика? Были ли случаи коллективного сопротивления в лагерях?

Й.С. Помимо кирки и лопаты главными орудиями нашего труда были: трагач, лабуд, мина. Они же – орудия пытки. Трагач – носилки, на которых узники таскали камни. Можно безошибочно утверждать, что именно трагач сломал позвоночник коммунистическому движению в Югославии. Впереди трагач несет бойкотированный, на его стороне – большая часть груза. Он должен шагать быстро. Тот, кто сзади, кричит: «Быстрее, банда!» Его сменяют каждый час. Временами сзади двое и все они безжалостно гонят бойкотированного. Бойкотированному целыми днями не дают воды. Вечером его гонят сквозь строй, потом он должен дежурить у параши, а ночью еще и очередной допрос... Лабуд – большой трагач для сверхтяжелых грузов, его несут на плечах по восемь-двенадцать узников. Мина – огромный котел, который несут четыре, восемь и более человек. Всё было рассчитано так, чтобы максимально измучить человека. Когда заключенные возвращались с работ, их заставляли нести в лагерь громадный камень, а утром уносить его обратно, туда, откуда взяли. Однажды один македонец с улыбкой сказал: «Здесь, под этой миной, я ревизовал Карла Маркса». Вечером его слова дошли до старшины барака и его прогнали сквозь строй.

Расскажу один случай уже из московской жизни. Перо Попиводич много общался со своими братьями; оба были офицерами, а потом узниками Голого Отока, больше года сидели в Петровой Яме. Перо как-то спросил: «Почему вы не давали отпор этим подлецам?» Но как одному человеку выступить против пяти тысяч? Старший брат Лизар ему отвечал: «Представь: тебя схватят и начнут избивать; падешь, тебя поднимают «активисты» и держат, чтоб ты не упал, и так без конца, пока ты еще жив». Перо никак не мог взять в толк, насколько отчаянным было наше положение. Никто кроме переживших Голоый Оток не может понять специфику титовской «педагогика». В зверищах голодные звери иной раз нападают друг на друга. Но никто никогда не видел, чтоб тысячи зверей напали на одного. А на Голоом Отоке это было в порядке вещей. Там человека ломали, убивали и тем способствовали сопротивлению.

Во всех известных тюрьмах и лагерях мира отмечены случаи коллективного сопротивления в разных формах (голодовка, общий громкий протест, отказ от работы и другие). На Голом Отоке коллективное сопротивление было всего один день, в первой группе узников (1400 человек). В тюрьмах Сараева опробовали и создали новую методику перевоспитания. Месяцами в тюремных камерах заключенных заставляли отречься от своих убеждений, чтобы они вернулись на «линию партии» и доказали, что готовы бороться против «врагов народа и партии». Тех, кто придерживался прежних убеждений, бросали в камеры, где находились узники, готовые «на деле доказать» свою приверженность партии. Там уже были приготовлены орудия пытки: палки, веревки, которыми связывали человека и ноги и руки, превращая его в клубок боли. Связанному литрами вливали через нос грязную соленую воду (на циничном жаргоне палачей это называлось «топли зец» – «теплый заяц»). Прогоняли сквозь строй – это было обыденностью. Под пытками некоторые умирали, а многие со временем сами превращались в мучителей тех, кого следовало «перевоспитать». Пытками руководили специальные уполномоченные УДБы.

В первые дни в лагере на Голом Отоке заключенные уславливались, как себя вести, как требовать соблюдения своих прав. Но вот прибыли генерал Иово Капичич и другие представители высшего руководства УДБы. Начальник лагеря, полковник Яукович, собрал общий митинг узников. В выступлении Капичича были следующие слова: «Вы все наказаны двухлетним общественно-полезным трудом, но кто вернется на линию партии, кто проявит верность товарищу Тито, тот скоро возвратится в свои дома, а кто не согласится с мерами перевоспитания, тот останется на этих камнях не только на два года – он сложит здесь свои кости». Капичич вызвал нескольких известных революционеров на разговор в здание лагерного руководства. Среди них был и доктор Блажо Раичевич, который храбро держался перед королевской полицией и многие годы был узником королевских тюрем. Раичевич сказал: «Мы – политические заключенные и будем требовать права на переписку и встречи с семьями, требовать адвокатов, доступа к прессе и встреч с журналистами Югославии и стран народной демократии». В ответ прозвучала единственная фраза: «Ваши барачные коллективы покажут вам права». К возвращению приглашенных перед всеми бараками были построены узники. Тут и обнаружилось, что среди них есть активисты, готовые выполнять все приказы лагерного начальства. Активисты из боснийской группы начали избивать Раичевича, его били по голове палками и досками и забили насмерть. Было убито еще несколько человек, а десятки изувечены так, что не могли двигаться.

После этого кровавого погрома никаких групповых или коллективных протестов среди заключенных не было. Наступило общее смятение и раскол во всех бараках. Те, кто решил быть послушным, и активисты, подготовленные заранее, еще в пересыльных тюрьмах,

выкрикивали лозунги во славу Тито и Ранковича, пели посвященные им песни, выражая благодарность «великодушию товарища Тито» и «теплой материнской заботе славной УДБы». Среди узников была специальная группа внедренных сотрудников УДБы, позднее стало известно, что в ней было несколько сот лиц, специально обученных создавать условия для ломки непокорных. Они ловко провоцировали тех, кто хотел сохранить человеческое достоинство.

В югославской и мировой прессе много написано о специальном «рабочем самоуправлении» («заводы, фабрики – рабочим!») Встречаются тексты, где утверждается, что самоуправление было и в лагерях, а офицеры УДБы заявляют: «Мы не вмешивались, они сами между собой ссорились и били друг друга, порой и убивали, но заключенные знают, где их хоронили». Это ложь. Всем руководил аппарат УДБы, комендант лагеря и следователи; они назначали, кто будет старостой в бараке, кто его заместителем, кто руководителем рабочих групп, кто ответственным за «культурную работу», за «гигиену» и т.д. Ясно, что никакой культуры не было и в помине, не было и элементарной гигиены. Никто не видел куска мыла. Все назначения руководства барака были тайные, следователи вызывали людей и давали им указания. Если кто-то их не выполнял, его ждал жесточайший бойкот. Всем руководил «центр» лагеря, а центр выполнял приказы руководства УДБы. И прогоны сквозь строй, и ночные допросы в специальных каморках, выгороженных в бараках, – всё шло по расписанию УДБы. Следователю было известно о каждом всё до малейшего словечка, был создан тотальный античеловеческий режим слежки, тайного доноительства и провокаций.

Самых жестоких руководителей бараков официально объявляли «образцово перевоспитанными узниками, которые завтра станут полезными членами общества». Такие «ударники» получали признание начальства за свои зверства. Некоторые «историки» пишут, что в гитовские лагеря были перенесены методы советского ГУЛАГа. Это безбожная ложь. Я беседовал с десятками советских людей, которые были в советских лагерях в 30-е, 40-е и 50-е годы. И ни один из них мне не сказал, что были какие-то систематические избиения или допросы в бараках, в самом лагере. Люди работали на разных участках, где бывало и тяжело и холодно, кто-то из уголовников мог ударить политического. Но НКВД это запрещало, виновника могли наказать более тяжелой работой. Во множестве книг о лагерях в Советском Союзе никто не упоминает никаких прогонов сквозь строй, никаких бесконечных лагерных следствий. Были случаи, что отдельного человека по запросу возвращали в тюрьму, где он находился раньше, если открывались какие-то новые сведения о его «антигосударственной деятельности», и только там велось следствие. Из советских лагерей люди вели переписку с семьями, они эпизодически получали и посылки. Порядок, аналогичный титовским застенкам, не зафиксирован в мировой истории лагерей и пыток.

В титовских лагерях ежедневно звучала самая гнусная клевета на все советское. Югославских борцов против фашизма, которых не могли сломить, одевали в карикатурные одежды советских маршалов, на грудь вешали таблички «здоровые силы Сталина». Привязывали их у входа в «жицу» (лагерь, многократно оплетенный колючей проволокой) и заставляли всех узников, когда они возвращались с работы, плевать в них и кричать: «Долой сталинских бандитов!» А если измученный узник не хотел плюнуть, приказывали прогнать его сквозь строй. Напрасно он твердил: «У меня пересохло во рту, мне было нечем плюнуть» Такое объяснение ревизирцы не принимали: «У тебя была возможность показать презрение к врагам народа, а ты этого не сделал».

Были индивидуальные акты героического сопротивления. Люди бросались в каменоломни – разбивались, ломали позвоночник; бросались со скал в море. Один узник отрезал себе руку циркулярной пилой – этого требовала его совесть, он сказал себе: «Моя рука не будет обогрета кровью новой группы мучеников». Люди толки обломки стекла, мельчайшие частицы заворачивали в бумагу вместе с цементом и глотали такие шарики, зная, что это – верная смерть. Мучительная была смерть, часами стоял ужасающий крик – стекло разрезало желудок и кишки. Это были не трусы, а герои – они шли на смерть, чтобы спасти друзей. Ведь под пытками, когда человек теряет сознание, может случиться, что он раскроет, кому доверял свои сокровенные думы... При таких раскрытиях в геометрической прогрессии росло число людей, которым грозил арест.

А.Б. Говорят, некоторые черногорцы поминуют генерала Капичича добрым словом. Есть ли для этого основания?

Й.С. Капичич, один из верховных командиров УДБы, был сыном профессора богословия. Я уверен, его честные родители и под землей покраснели бы от стыда, если б знали, чем их сын занимался после 1948 года. Броз вырвал у него душу и поручил ему самую унизительную работу – формировать лагеря и внедрять директиву тотального уничтожения. Потоки слёз и крови залили землю, по которой ходили убийцы, подчиненные Капичичу. А сегодня он свободно рассказывает по Белграду, по улицам родного Цетинье, давней и славной столицы, и новой столицы Черногории – Подгорицы. Без стыда и покаяния. Его холодная и озлобленная душа еще жаждет невинной крови. В свое время он был заметной фигурой в первых пролетарских бригадах партизан. Но Капичич забыл прошлое, его ум затуманен и помрачен. Его лакейство перед Брозом и Ранковичем – тяжелая каменная плита – задавило в нем последнюю искру черногорского достоинства. Сегодня он одобряет агрессию НАТО, жалеет, что она не случилась раньше, признает нелегитимную структуру – Гаагский трибунал. Для него навсегда похоронен миркенит и вся

коммунистическая идеология. Капичич был необузданным активистом титоизма – таким и остался.

Недавно он все же признал: «мы убивали невинных и бросали их в ямы». Может быть, на исходе жизни он вспомнит этих людей, брошенных в ямы с известью. Черногория, если она и дальше думает сохранить свое имя (которое гордо носила веками), должна узнать, где титовские палачи спрятали кости генерал-полковника Арсо Ивановича, куда брошены убитые Андрия Хебранг, Драгиша Васич и сотни других. Капичич знает, но открыто говорит: «Если и знаю, не скажу». Тысячи фактов подтверждают, что он преступник, причем в международном масштабе. Он сам признает, что уничтожил подполковника Велишу Лековича через свою шпионскую связь в албанском аппарате госбезопасности, подбросив сведения о том, что Лекович не политическим эмигрант, а заслан по заданию УДБы. Ту же трагическую судьбу разделили десятки, а возможно, и сотни честных людей в разных странах. Были ликвидированы Кочи Додзе в Албании, Ласло Райк в Венгрии, Трайчо Костов в Болгарии, Рудольф Сланский в Чехословакии. Целью аппарата Ранковича и Тито было обескровить спецслужбы стран народной демократии, выгрызть сердцевину их систем права и безопасности. Границы Югославии стали кладбищами, полными костей тех, кого агенты УДБы забирали по ночам и без следствия и суда там убивали. Эту «географию» Капичич хорошо знает и, может статься, расскажет о ней прежде, чем «покается перед Господом».

А.Б. Были ли судебные разбирательства против организаторов и исполнителей преступлений в титовских лагерях «перевоспитания»?

Й.С. Титовцы ни перед кем не отвечали за свои преступления. Люди жили в таком рабстве и безнадежности, каких не знала история. Людские души были замурованы в ледниках страха, людей заставляли забыть все зло и погибель. Никаких судебных разбирательств против УДБы по сей день не было. Во многих местах и сегодня власть в руках титовцев. Немало тех, кто ложью маскировал преступную действительность и на этом заработал научные звания и титулы. Истинная картина минувшей эпохи еще не раскрыта. Приведу один пример. Был круглый стол в Черногорской академии наук на тему: освещение в историографии Голого Отока и других лагерей. Выступали десятки ученых. Звучали, например, такие вопросы: «Как обстояло дело с гигиеной? Было ли доступно мыло? Какое было медицинское обслуживание?» И много похожих вопросов. Хотя все могли всё узнать из книг революционера и ученого Мирко Марковица, который писал: «В течение четырех лет адского существования в Петровой Яме ("объект 101") ни разу не было возможности вымыть руки или лицо». Зато осенний и зимний дождь на каторжной работе и каменоломне «умывал» ушников до костей.

За круглым столом прозвучали слова одного академика: «Перед памятью множества людей, которые были подвергнуты пыткам, а многие не пережили эти пытки, надо склониться с глубоким уважением, с искренней верой, с оптимистической надеждой, что подобные злодеяния никогда и нигде не повторятся». Однако далее уважаемый академик подчеркнул: «...На этом собрании не надо упоминать имена, устраивать переключку последователей сатаны. Не надо подсудимых разделять на виновных и невиновных. Не надо требовать ревизии процесса и реабилитации бывших сотрудников лагерей, ибо некоторые из них – жертвы партийной индоктринации и железной полицейской дисциплины... Жесточайшим обращением с информбюровцами они подтверждали свою партийность и верность Родине. Не надо вызывать злых духов прошлого».

Некоторые даже предполагают, что объективную научную оценку могут дать только люди, которые родились и выросли после тех событий. Каково намерение этих ученых: делают ли они это во имя научной объективности, во имя «согласия народа»? Я считаю, что такие предложения абсурдны. Подобные преступления не имеют срока давности для науки и юриспруденции. Не надо бояться «субъективности» современников, хотя раны еще не зарубцевались. О какой науке и объективности может идти речь, если не упоминать имен ни жертв, ни палачей? Некоторые бывшие титовские генералы – международные преступники. В их подчинении были лагеря и тюрьмы на всей территории Югославии. Они определяли «методику» перевоспитания и возвращения узников на «титовский путь». А потом свободно, без всякого стыда гуляли по Белграду, Подгорице, возможно, и по другим столицам бывших югославских республик. Эти генералы имели звания народных героев – будто бы за военные заслуги, а фактически – за уничтожение югославских патриотов. А настоящих героев, получивших известность во время войны или сразу после нее (Сава Станоевич и другие) замучили в лагерях – на Голлом Отоке, Святом Гргуре, в Угляне, Градишке, Билече. В списках героев Югославии более тридцати имен генералов и руководителей УДБы, которые были министрами внутренних дел союзных республик, начальниками лагерей, следователями в лагерях, известных страшными преступлениями. Все подручные Ранковича стали героями. Не будем перечислять все имена – народ знает их: Йоксимович, Шашич, Раштегорац... На их погоны с 1949 по 1955 год в буквальном смысле слетали кровавые созвездия.

Есть титовские генералы, которые поддерживали сепаратизм и агрессивный национализм во имя «независимости», «национальной целостности» и «новой демократии». Они приветствовали подлешего агрессора – НАТО, которое разбомбило Югославию, и «цивилизованный» новый мировой порядок – ту мировую силу, которая стремится любыми средствами, под предлогом защиты «человеческих прав», «свободы личности», «свободы выборов» и «свободы творчества» завоевать мировое господство.

Логично спросить: «Где голос народа?» Бывают исторические периоды, когда дивная, святая вера и воля народа замерзает, целенеет. После возвращения с Голого Отока (был списан, как безнадежно больной), я пытался некоторым достойным, благородным людям наедине рассказать хоть о частице пережитого ужаса. Эти люди были моими родственниками по линии отца и матери, и все отвечали мне одно и то же: «Молчи, несчастный. Сейчас об этом говорить нельзя». А я всё жил романтическими представлениями негошевской поэзии о вечном героизме черногорского народа. Но у Негоша есть и такая строка: «Уже людские груди охладели, в них умерла свобода».

Никто из выживших не смел упомянуть название острова смерти. А ведь народ знал, что УДБа убивает людей. Весь уездный комитет партии Белого Поля – около двадцати человек – был расстрелян, многие на пороге своих жилищ, на глазах детей и матерей. Недалеко от города Беране были зверски убиты знаменитые молодежные вожаки, непокорные титовской линии, – Зекич и Попович. Людей заставляли пинать их, мертвых, ногами, а брата Новака Зекича, ученика гимназии, потащили в хоровод, который пел песню во славу УДБы. Ученик Зекича еле вырвался из хоровода, но его поймали и отправили на Голый Оток вместе с младшим братом, которого там убили, то ли прогнав сквозь строй, то ли бросив в море. Тысячи черногорцев были арестованы после 1948 года. И никто не вышел к государственным учреждениям в знак протеста. Много лет спустя крупные деятели титовских правящих структур заявляли, что ничего не знали о Голом Отоке и других лагерях.

Идет ли речь о деградации народа, убийстве его духа, о сломе достоинства? Об этом скажет следующий факт: когда в 1954 году вышел указ о сокращении поголовья коз, десятки групп черногорцев ходили к президенту Йовановичу с петициями: «Дорогой Блажо! Спасите! Без козьего молока нам детей не поднять». Когда уничтожают сотни людей, народ молчит. А когда запрещают иметь козу, слышим народные вопли. Комментарии излишни. Один мой знакомый сказал: «Революционная ситуация в Черногории была только в дни уничтожения коз». Звучит смешно, но такая деталь – свидетельство черногорской атмосферы в 50-е годы. Другой знакомый сказал: «Народ начал жить по закону дервиша...» Что значит – вертеться по ветру. Так ломаются в эпоху беззакония доверие, солидарность, все национальные устои. Есть простонародное изречение: «Все решает судьба». Горькая истина звучит более точно – все решает УДБа!

Многие функционеры режима не смели знать. Не смели и думать, что случилось с их бывшими боевыми друзьями, бывшими помощниками и руководителями, где они и живы ли. Они осознавали, что от таких вопросов не сносить им головы. Страх заполнял все их дни. Лакейство перед Тито и Ранковичем превратило их в жалких пигмеев. Из эгоизма и прислужничества не вырастают личности, лишь умножаются полчища существа. Они не видят цвета крови, славят свое рабство, гордятся ценами, насилием и позором, тем, что

превратили бунтовщиков свободы в мелких шпионов, клеветников и помощников палачей. Многие годы страх мерцал в воздухе и нарастал с приближением ночи. А ночи часто орошали мрак кровью. Моральная эрозия стала национальной катастрофой. Люди исчезали с каждой улицы любого населенного пункта, и никто не отваживался это обсуждать – даже родственники. Десятилетиями честный человек не был уверен: друг пришел к нему или провокатор. В 1966 году Ранковича убрали с вершины власти. На пленуме ЦК КПЮ разоблачали его бюрократизм, упоминали, что его служба внедрила подслушивающие аппараты даже в спальню президента Тито. Но сам Тито на пленуме сказал: «Мы не забудем больших заслуг товарища Ранковича в борьбе против Коминформа и коминформовцев...» А это значило, что продолжается террор против коммунистов. На пленуме прозвучало, что в маленькой Югославии накопились миллионы доносов, что каждый третий взрослый житель был под подозрением.

Началось сжигание досье в Белграде и разных республиканских центрах. Это был очередной обман – дымом они затуманивали глаза народу. Даже в 70-е годы были арестованы многие знаменитые революционеры, в том числе те, кто пережил голгофу Голого Отока. Тайные спецотряды УДБы похищали югославских коммунистов, которые законно проживали в других странах. Известен случай героя партизанской войны – Владо Дапчевича, похищенного в 1975 году в Бухаресте; его друзей Александра Опоевича и Джордже Стояновича убили и бросили без документов в кукурузном поле на югославской территории рядом с румынской границей. Дапчевича через год приговорили к смерти за то, что он якобы «планировал диверсионные операции». Потом заменили смертный приговор двадцатью годами тюрьмы. В 1977 году в Швейцарии схватили Милету Перовича, который на подпольном съезде югославских коммунистов был избран генеральным секретарем ЦК обновленной КПЮ; за огромные деньги это сделали иностранные спецслужбы – мастера по краже людей. Перович был полумертвым брошен на территории Словении, рядом с итальянской границей. Его судили, как и Дапчевича. А однажды УДБ инсценировала приглашение от доверенного лица Перовича: в Швейцарию из Советского Союза вызывали генерала Перо Попиводу, писателя Йоле Станишича, из Болгарии поэта Венко Мерковского, героя Македонии и Болгарии. Мы якобы были приглашены на подпольный пленум ЦК КПЮ. Он не мог состояться при полицейском режиме Югославии, выбрана «безопасная, свободная и независимая Швейцария». Живого голоса Милеты в этом тексте не услышали ни я, ни Мерковский. Мы знали особые шифры Перовича, которых не мог знать никто другой, и план УДБы провалился. Они жалеют и сегодня, что нас тогда не поймали. Один из них недавно исповедался моему родственнику: «У меня было задание ликвидировать Йоле в Ленинграде, но мне не удалось его найти. Задание не было выполнено, и я был наказан секретным отделом УДБы»

А.Б. Виделись ли вы в тюрьме Главняча с вашими арестованными товарищами и бывали ли очные ставки перед следователями?

Й.С. Меня, как и многих из них, арестовали в день семидесятилетия Сталина. В тюрьме мы друг друга не видели, были разбросаны по одиночным и общим камерам. Назвать тех, кто нас избивал до полусмерти, следователями – большой комплимент для них. Они соревновались, кто больше пустит крови, тюрьму превратили в бойню. Из Главнячи нас увезли в закрытых темных вагонах, где был рассыпан цемент и заметны следы крови. На Голом Отоке мы были в разных бараках, старались друг с другом не встречаться и не разговаривать (хотя абсолютно верили друг другу). Если бы мы встречались, тут же появились бы доносчики, которые бы сказали: «Эти на свободе действовали в интересах СССР и сейчас о чем-то договариваются». Снова начались бы допросы с участием старшин барачков, которые в своём зверстве старались превзойти инструкторов УДБы. Максимум, что было возможно, – при случайной встрече незаметно кивнуть друг другу. Из нашей группы под бойкотом были трое. Иована Чепича освободили от бойкота через неделю, а я и Милорад. Боич оставались два месяца под тяжелым бойкотом. Возможно, бойкот продлили нам за то, что мы ничего не сообщили официальному следователю, а это толковалось следующими словами: «Он на вражеских позициях, игнорирует УДБу – наших спасителей...»

А.Б. Почему в своем стихотворении вы назвали «Пунат» «пиратским кораблем»?

Й.С. Этот был корабль УДБы. Необходимо было, чтоб прозвучало название корабля: многие там пережили минуты смертельной опасности. Каждый, кто был брошен в его трюм, испытал смертельный страх. Грузовой корабль «Пунат» – самый кровавый корабль в истории югославского мореплавания. Многие годы на нем перевозили узников на Голый Оток, на острова Святой Гргур и Углян. В трюме были построены боксы в несколько этажей. В нем помещалось до 1500 узников, все были связаны по двое; многие были убиты, задавлены на дне корабля.

27 июля 1950 года на Голый Оток привезли новую (пятую) группу, и каждый барак, в том числе наш, пополнился почти сотней новых узников. Все они были в крови и синяках. Их избивали на корабле, а многие были там же и убиты. Специальная карательная команда ревизирцев из так называемой рабочей бригады под пение маршевых несен во славу Тито вытаскивала их из трюма, охаживая дубинками. Им помогали милиционеры, тяжелыми сапогами целя в голени, а на пристани презрением и пинками встречала «элитная» группа следователей. Особенно доставалось тем, в ком узнавали бывших партийных и военных руководителей. От пристани до входа в лагерь далеко, и вдоль всего пути строем стояли несколько тысяч

узников. Каждый принужден был участвовать в избииении новой группы. Если под градом ударов кто-нибудь падал от бессилия и боли, его топтали, пинками заставляли подняться, а тех, кто уже не мог идти, куда-то оттащивали на носилках. Вновь прибывших надо было запугать. Перед баракком какие-то человекоподобные существа орало: «Долой предателей! Кто не поддерживает товарища Тито, того уьем!». Несчастные с ужасом смотрели на «старожилов», которые своим видом не напоминали даже пещерных людей.

После полудня перед баракком началось «политзанятие». Староста Стипе говорит: «К нам прибыла новая банда, которой мы должны помочь встать на путь истинный, но и среди старожилов, оказывается, есть враги, которые не оценили великодушия партии. Сейчас мы покажем, что ждет каждого, кто не даст новых показаний и не раскроет всех сообщников, вместе с которыми совершал враждебные действия на свободных просторах нашей родины. Быстро строиться!» В двух шеренгах больше двухсот человек. Староста вызывает: «Олуич! Сюда!». Выходит высокий мужчина, и Стипе начинает его избивать. «Ты в молодости был усташем, а сейчас ты неисправимый информбюровец...» Олуич дрожащим голосом отвечает: «В дни моей молодости – это было давно, почти сорок лет назад, тогда это была патриотическая организация...» «А, видите, какой бандит. Усташей называет патриотами! Сквозь строй его!» И начинается прогон сквозь строй. Олуича избивают даже те, кто раньше ни на кого не поднимал руку. Даже честнейшие люди думают: «Нет греха в том, что ударишь усташа...» У избиваемого Олуича изо рта хлещет кровь. И вот он уже труп. Затем вызывают одного македонца небольшого роста. О нем староста говорит: «Этот бандит во время войны выдал болгарским фашистам двенадцать македонских патриотов, а потом хотел прикрыться тем, что он информбюровец». «Коллектив» барака 12 и этого, как Олуича, забивает до смерти.

УДБа проверенной методой травила людей, чтоб их поскорее уничтожить и других настроить на активное участие в уничтожении. У нас появились «двумоторцы» – люди, которые были освобождены как «перевоспитанные», но попали в лагерь на второй срок. Староста вопит: «Михаило Бакич и Милован Томич прибыли на Голый Оток с первой группой, ровно год назад, и они подлю обманули партию, заверив коллектив исследователей, что поддерживают всё то, к чему нас призывает мудрейший вожьд и любимец народа – товарищ Тито...» Среди узников слышны восклицания: «Смерть обманщикам! Двумоторцев сквозь строй!» Бакич и Томич полгода были под бонкотом. Каждый день их несколько раз прогоняли их сквозь барачный строй. Томич был без ноги. Выдержал все четыре года тяжелой партизанской борьбы, был храбрым бойцом и честнейшим человеком. Когда ревидирцы перед строем били его по лицу и кричали: «Сгибай шею!», он после каждого удара гордо поднимал голову. В его глазах сияла гордость и презрение к тем, кто его избивает.

**Друзья, арестованные в одну ночь: Гойко Гойкович, Йоле Станишич, Милорад Боич (верхний ряд); Мишо Миркович, Йован Чепич, Любомир Томович, Свето Пулевич (1949).
Все прошли через Голый остров**

За что он был вторично брошен на Голый Оток? Спокойно сидел в кафе в Белграде. Подошел знакомый и спросил: «Как ты сейчас думаешь?» Он знал, что вопрос провокационный, и ответил в духе официальной линии, показав рукой на большую фотографию Тито: «Думаю, точно так же, как он». Провокатор уточняет: «Кто – он?» – «Тот, что висит на стене». Глагол «висит» белградские следователи УДБы истолковали так: «Каждому ясно, что у него есть намерение повесить товарища Тито. Это коварный враг, злейший, закоренелый информбюровец...» Напрасно Томич объяснял, что портрет висит на гвоздике и у него не было никакого другого намерения, кроме как показать, где находится портрет. Напрасно Томич и перед «коллективом» барака оправдывался, что у него никогда не было планов вешать кого-либо из живых существ. Его стократно избивали и прогоняли сквозь строй, но все это было легче выдержать, чем те мучения, которым подвергся «двумоторец» Бакич.

Томичу дали работу: дробить камень камнем на камне. Когда получалась маленькая куча раздробленных камней, ревидирцы тянули его за усы и били по лицу: «Почему дробилка раздробила в десять раз больше, чем ты?» Когда шел дождь, ревидирцы сажали его возле стены – туда, где струя воды из водостока ударяла прямо в лоб. С той же пятой группой, что и Томича, на Голый Оток бросили доктора Милована Четковича, знаменитого революционера, члена компартии с 1919 года, бойца республиканской Испании. Четкович от постоянных избиений и работы «иод трагачем» не мог двигаться. Его посадили возле Томича дробить камень. Бойкотированным было запрещено разговаривать друг с другом. Однажды, чтоб ревидирцы не заметили, Четкович, протирая нос, шепотом спросил сидящего рядом: «Что случилось, что тебя без ноги бросили сюда вторично?» Томич тихо ответил: «Ты виноват, доктор». Четкович глубоко задумался и чуть не обиделся на такой ответ, но все-таки спросил: «Как твоя фамилия?» «Томич» – был краткий ответ. «Может быть, ты сын Николы Томича?» – «Да, я его сын». Доктор вспомнил, что в начале 30-х годов к нему привезли юношу, которого укусила змея. И он откровенно сказал родителям: «Юноша, к сожалению, умирает. Можно попробовать отрезать ему ногу, но не гарантирую, что это его спасет». Никола Томич ответил: «Доктор, попробуйте. Если он умирает, мне та же боль – хоронить его с одной ногой или с двумя». На Голом Отоке Четкович благословил ту ядовитую змею: «Зуби јој се златили! – Да будут её зубы позолочены. Она тебя спасла от трагача». Этим «благословением» все сказано.

Доктора Четковича потом перебросили из общего лагеря в Петрову Рупу и так избивали, что голова у него постоянно была опухшей и обе барабанные перепонки потрескались, так что он уже никогда потом не мог использовать стетоскоп, чтобы обследовать больного. Милета Перович в «яме 101» спросил доктора Четковича: «Что скажет медицина – сколько можно выдержать эти мучения?» – «Ми-

ровая медицина эту границу давно определила, и у нас эта граница давно позади. Я каждый день удивляюсь, как мы еще дышим».

Хочу напомнить и о страшной судьбе священника Нехлюдова, которого УДБа планировала на суде разоблачить как агента НКВД. В тюрьме Главняча, где с 21 декабря 1949 года томился и я, все мы запомнили маленького офицера Зульфо. Он надзирал и за одиночными, и за общими камерами и по приказу следователей конвоировал заключенных до следственной канцелярии, где происходили допросы и пытки. Очень часто этот Зульфо пускал в ход кулаки. И вот что еще было на его совести.

Об этом рассказал мне бывший майор УДБы Веселин Попович. Одно время он был следователем в Главняче, потом его назначили начальником женского лагеря. В этом лагере были сотни заключенных, их называли агентами НКВД, а большинство из них и не знало, что такое НКВД. Попович в этом лагере завел нормальный порядок, запретил избиения и допросы, улучшил условия работы и питания и даже устроил какие-то художественные кружки, культурные мероприятия, так что женщины-узницы видели в нем спасителя. Но дамы – помощницы Веселина, представительницы верховной УДБы – начали тайно писать доносы Ранковичу, что Попович защищает информбюровок, что он их единомышленник. Из Белграда днем отправилась группа высших офицеров УДБы, чтоб его арестовать. А он, предчувствуя опасность, еще утром с двумя милиционерами отправился на охоту на берег Дуная. У них был маленький катер. На Дунае Попович обратился к милиционерам: «Дайте посмотрю, какое у вас оружие». Они подчинились командиру, а он, обезоружив их, одному приказал лечь на дно, а второму: «Вези на тот берег, иначе застрелю!» Так Веселин Попович оказался на румынском берегу.

В 1960 году в Бухаресте он сообщил мне: «Следователи в Главняче приказали Зульфо привести Нехлюдова в канцелярию. Зульфо за несколько дней до этого изуродовал священника, вырвал у него полбороды, оставил какие-то клочки на одной стороне лица, превратил человека в страшилище. Следователи хотели проинструктировать, подготовить священника к показательному процессу, который должен был состояться через несколько дней, но, увидев его, не поняли, кто перед ними. Спрашивают: «Кто вы? Как вас зовут?» Он отвечал: «Я – священник Нехлюдов...» Следователи удалились на совещание и пришли к выводу, что этого «агента НКВД» нельзя показывать журналистам. Позвали Зульфо и приказали: «Ты его так разукрасил, так доведи работу до конца». Зульфо увел Нехлюдова, повесил или задушил его, а в прессе появилась статья, что один из главных обвиняемых умер в тюрьме от такой-то и такой-то болезни». По словам Поповича, это было обыденной практикой в судопроизводстве Ранковича.

А.Б. Как вам удалось вырваться из лагерного ада?

И.С. Климат «помог». Лето на Голем Отоке было страшным: невыносимая жара, бесконечная жажда. Воду привозили в цистернах. Бойкотированным не давали ни капли, а другим, членам «коллектива», давали по одной, максимум по две небольших кружки. Зима была тяжелейшая: с ранней осени дули холодные, влажные ветры. Это называлось «сеньская буря». Между городком Сень и островами небольшое расстояние. В народе, там проживающем, это называется – «Сеньские ворота»: ветер раскрывал эти ворота и дул в пекло. Такие верования у людей, исконно живущих в этих краях. С нами, среди узников, было немало людей оттуда, и они временами рассказывали об истории и жизни этих краев. Мы были плохо одеты, и сеньская буря пронизывала нас до костей. Казалось, она обстругивает нам кости. От холода лязгали зубы у тех, у кого они не были выбиты ударами ревидирцев.

Лагерь опустошали эпидемии. Всяких болезней хватало, даже таких, о которых медицина мало знает. Большинство страдало куриной слепотой. Часты были воспаления легких, гнойные плевриты, туберкулез. Никаких лекарств не давали, но при высокой температуре помещали в больничный барак. В лагере несколько раз буйствовала дизентерия. Люди падали на работе, некоторые там и умирали. Зимой 1951 начался тиф. Эта болезнь в течение двух недель унесла жизнь сотен заключенных. Тогда часть наших лохмотьев сожгли и всем узникам побрили все волосы на теле. Это называлось «серьезной медицинской заботой».

Я пережил три воспаления легких. Последнее перешло в левосторонний экссудативный плеврит, выпот заполнил всё до горла. Одно время мне казалось, что жизнь кончается. Я с этим плевритом провел в больничном бараке три месяца и, как безнадежно больной, с группой больных и старых инвалидов был отпущен на свободу. В Белграде меня сразу поместили в больницу, пролежал больше двух месяцев. Мне казалось, что там райские условия: только один больной кроме меня в палате, чистейшие постели, умывальник, зеркало, прекрасное питание, все то, что человек в лагере почти забыл. Врачи поражались, как я запустил такое заболевание. Спрашивали, где я его заработал. Я сказал, что заболел на одной молодежной стройке и надеялся, что всё само пройдет, когда отдохну... Я не смел сказать врачам, что вернулся из адского лагеря (думал: если скажу, меня вышвырнут из больницы). Врачи предлагали сделать пункцию, но сосед убедил меня, что после пункции у него в легких снова скапливается жидкость. Я отказался от пункции, наверное, зря, меня выписали из больницы, и я отправился к родным в Черногорию. Маме не рассказывал, что болен, но она чувствовала, что во мне нет прежней бодрости; лучшими продуктами меня кормили, хотя мне бы и сухой хлеб был сладок. Внешне я быстро поправился – хорошо выглядел, но в прежнюю силу никогда больше не вошел.

В больничном бараке умерло много людей. В одну ночь в том ряду, где я был крайним, умерло семь человек. Рядом со мной был

юрист из Белграда, Палевич. Я ему сказал испуганно: «Палевич, очередь за нами...». Но смерть остановилась, и я до сих пор жив. И буду жить. Плевра левого легкого после того плеврита приросла и при всякой перемене погоды побаливает. Чего только я ни навидался в том бараке – всё черные воспоминания. К одному узнику из Боснии пришел в апреле 1951 года старшина его барака и сказал: «Твой брат умер. Вот тебе бумага, ты извести мать об этом». Старшина подождал, пока больной напишет, взял бумагу и вслух прочел: «Дорогая мать! Наш Брацо заболел. Мать – Партия все сделала, чтобы спасти его жизнь, но тяжелую болезнь он не победил». Старшина остался доволен содержанием письма и сказал: «Мы немедленно отправим письмо матери». Через четыре дня и сам тот босниец умер. Старшина больше не появлялся. Но известие о смерти второго сына, мать, наверное, тоже получила. Может быть, и в этом известии были слова благодарности «славной партии».

Помню еще случай. Привели в больницу очень высокого ростом человека, Нинковича из Требиня. Он был членом требиньского комитета партии. Дежурный протянул ему железную баночку: «Плюй сегодня ночью в эту баночку, завтра передадут на анализ». Утром пришли дежурные, он им говорит: «Я харкал кровью». Дежурные посмотрели баночку – ничего там не увидели и стали на него кричать: «Ты симулируешь, никакой крови там нет». Нинкович возмущенно, еле слышным голосом сказал: «Клянусь честью, была кровь, даже много. Значит, ее украли». Дали ему пару оплеух и сказали: «Нам твоя честь не нужна». Назавтра Нинковича нашли мертвым. Явно кто-то из больных украл его кровавую мокроту. В этом плевке под микроскопом найдут палочку Коха, и другой человек получит статус «больного открытым туберкулезом»: среди туберкулезников ему будет лучше, чем под трагачем.

А.Б. В нечеловеческих условиях искажены все людские взаимоотношения. И всё же – вы подружились с кем-нибудь из узников на Голом Отоке?

Й.С. Дружба была, но без слов. Человек, живя в бараке бок о бок с другими, много узнаёт о них, видит их на работе – тут точно знаешь, кто достоин уважения и будущей дружбы. Была ли возможна дружба с незнакомым на Голом Отоке? События моей жизни ответят без слов. Милована Томича я до Голого Отока никогда не видел и никогда там словом с ним не перемолвился. Но навсегда запомнил его мужество. Когда увидел его через два года в Белграде и заговорил с ним, я убедился, что беседую со своей душой, с моим двойником в моей душе. Проходили годы и события, и когда я решил погибнуть на Дунае в знак протеста против титовской тирании, я взял Милована Томича с собой и мы вместе прыгнули в Дунай, но providение нас спасло – мы попали на румынский берег. Помню маленький диалог: «Миловане, мы остались живы, мы сейчас в со-

партию голкнул в позорную грязь»

В стихотворении «Голос убитых» жертвы сравнивают со дном моря: «Кто плавает над нами, кто обнимается с нашим палачом?». А с ладоней палача поднимается вверх голубь мира. В моей первой книге на русском языке «Упрямые скалы» (1966) поэт Глеб Пятррев, который редактировал книгу (он потерял на войне ногу и руку, но сохранил оптимизм и работоспособность), прочитав стихотворение «Голос убитых», задумчиво сказал: «Я вижу в нем, как обнимаются Тито и Хрущев». Он посмотрел мне в глаза, и я спокойно ответил: «Поэты редко комментируют свои стихи, это лучше сделают критики и читатели». Никаких других слов об этом стихотворении я от редактора не услышал. Оно десяток раз печаталось в советской прессе. Сегодня должен сказать правду: я в нем действительно осудил позорные объятия Хрущева с Тито, который все годы своего правления топтал нашу кровь, перешагивая через трупы тысяч югославских коммунистов. Хрущев нашу кровь не заметил. Один из генералов, которые сопровождали в садах на Бриони Тито и Хрущева, позднее рассказывал, что слышал слова Хрущева, обращенные к Тито: «Сторонников Сталина не грех уничтожать».

В России давно, начиная с правления Хрущева, началось приукрашивание, золочение титовского «особого пути». Каждый визит Иосипа Броза в Советский Союз был расцвечен панегириками, и с каждым разом в них было все больше пафоса и показного блеска. Броза называли «ленинцем», звучали фразы вроде: «Октябрьская революция дала ряд революционеров и деятелей международного рабочего движения мирового масштаба»; среди них числили и Броза. Однако он вовсе не был участником Октябрьской революции, ни одного дня не сражался на стороне красных, остался верен австро-венгерской армии. Он вернулся в Югославию в конце 1920 года с группой немцев и австрийцев, которые не желали пустить корни в «новой действительности» и участвовать в построении справедливой жизни в России. Тем не менее, подобные мифы повторяются и в наши дни – когда ускоренным темпом буйствует контрреволюция.

А.Б. 12 сентября 1958 года вы прыгнули в Дунай с борта корабля «Сплит» и стали политическим эмигрантом. Начался совершенно новый этап вашей жизни.

Й.С. После этого прыжка я кое-что создал (возможно, меньше, чем хотел). Я узнал другие народы, другой мир, но свой народ, родной край никогда не забывал: они были со мной и в снах, и в мечтах. Независимо от того, какие меридианы я пересекал, линия моей молодости не менялась, родина оставалась путеводной звездой. Я ос-

паная, что я никогда не умею плавать, удивите нас, что остался жив. Ведь я прыгнул, чтоб живым не сдаться врагу. А Дунай меня не проглотил. Его холод словно окрылил меня. Дунай течет и дальше по своему руслу, не пересыхает, не выходит из своих бесконных границ.

Изначально план нашей группы был – захватить корабль. Прежде, в двух туристических поездках по Дунаю, я познакомился с капитаном корабля «Сплит». Он мне рассказывал о подводных скалах в Джердапском ущелье, которые грозят кораблям гибелью, если капитан не овладел мастерством и не изучил нрав Дуная. Я сказал, что хочу с его помощью, как журналист, написать несколько очерков о Дунае. В ту незабываемую ночь нас оказалось наполовину меньше, чем предполагалось. Из тех шестерых, кто должен был сесть на корабль в Смедерове, пришли только двое. Так и осталось тайной: побоялись в последнюю минуту, или опоздали, или по неосторожности наивно доверились кому-то из близких? Ночью я постучал в каюту капитана, а там оказался незнакомый человек. Он меня спросил: «Что вы хотите?» – «Я думал поговорить с капитаном». – «Я капитан». А когда я произнес имя своего знакомого, он с улыбкой ответил: «Это мой коллега, мы друг друга подменяем; он уехал на море, будет дней через двадцать». Я объяснил, что пишу репортаж о путешествии. «Давайте поговорим завтра: утро вечера мудренее». Всю ночь я провел на палубе, смотрел в небо. Оно было прекрасно, как в детстве, когда я любовался на него в родных горах. Но мой восторг пронзала мысль: «Не последняя ли это ночь в моей жизни?». Я отвязал спасательный круг, чтоб в критическую секунду можно было его сорвать. Утро было солнечное, мы шли возле румынских берегов, и они казались мне позолоченными, хотя на самом деле это пространство ничем не отличалось от югославского берега. Но это же была территория социалистического государства, а не царство страха и рабства, как титовская Югославия.

Возле какой-то маленькой, почти незаметной пристани на югославской стороне корабль ожидали человек восемьдесят солдат и офицеров, а рядом с ними будто гуляли шестеро молодых людей с тоненькими папками под мышкой. Я тихо спросил Милована: «На кого они, по-твоему, похожи?» Он мгновенно ответил: «Это оперативники УДБы. Я узнаю их по стрижке, по походке, по холодному пронизательному взгляду. Если начнется проверка документов, вероятно, ищут нас». Большая часть военных поднялась на палубу, с ними четверо в гражданском, а двое остались внизу. Мы успели шепотом сказать друг другу: «Возможно, нас кто-то предал. Ищут нас. Надо прыгать». Паспортный контроль приближался, перед нами был еще десяток пассажиров. Я перешагнул через ограду и схватил спасательный круг. Какой-то элегантный господин, из стоявших рядом, с испугом сказал: «Вы что?..» Что он еще говорил, я не слышал, тут

же прыгнул в воду. Мне показалось, что я утонул, но вода быстро вытолкнула меня на поверхность благодаря спасательному кругу. Первое мое восклицание: «Живела Москва!» Слышу шум с корабля. Кричу: «Смерть титовской банде!» Прозвучал и голос Милована: «Долой палача Ранковича!»

Течение несло нас, корабль медленно удалялся, справа замаячил остров Ада-Кале. Мы закричали: «Румыния! Румыния!» А с берегов Румынии никакого голоса, никакого сигнала, будто пустые земли. Идет мелкая волна, болтанка, я беспомощен, как никогда – в воде-то до сих пор не был. Окликаю Милована, тот отвечает: «Держись за круг, не могу тебе помочь». Слышу выстрел с югославской стороны или с корабля: кажется, что пули прошивают воду возле нас. У меня светится надежда: если выдержит круг, может, кто-то с румынского берега спасет. Корабль далеко, почти за километр, но уже медленно начинает разворачиваться. Он ускоряет ход, я вижу, как вертятся его колеса. Казалось, вот-вот они размозжат мне голову. Я думал, что до гибели остались считанные минуты, и решил: «Гибнешь – опускайся на дно с неразбитой головой». Расстояние до корабля – метров двести, уже слышны крики, и женские и мужские: «Хватайте его!» Пальцы ослабли, я готов был выпустить веревки спасательного круга. Но в эту минуту между кораблем и солнцем появилась моя мама в полный рост. Она видит меня, и я вижу ее глаза. Пальцы крепко сжали веревки. И в ту же секунду меня хватает рука человека из маленькой лодки и втаскивает на борт. Я подумал, что это рыбак – он был в лохмотьях. На чистом сербском языке он мне сказал: «Ложись!» Корабль в десятке метров, он надвигается, вот-вот нас потопит, уже бросают веревки с крюками, чтоб зацепить лодку. Поднимаюсь на колени, выхватываю из-под плаща пистолет и даже кричу: «Назад, убийцы!». Когда сегодня вспоминаю этот свой жест, вижу, что он был непродуманным, я мог стать мишенью для снайперов. Тут раздались предупредительные выстрелы с румынской стороны, они означали: «наши воды – не для прогулок и убийств». С какой-то невероятной быстротой рыбак привез меня к берегу. Мы шагнули на песок; он взял меня под руку и помог подняться на холм, где был караул. Я чувствовал боль в сердце. Солдаты растерли меня спиртом, дали воды, переодели в солдатскую одежду и отвели на лужайку, где уже были трое моих друзей, которые доплыли без чужой помощи. Милован валялся в траве и хохотал как ребенок. «Что с тобой, Милован?» – спрашиваю. – «Радуюсь, что мы живы».

Через три месяца в городе Крайова нас навестили трое румынских офицеров – майор и два капитана. Один из них с теплейшей интонацией по-сербски спросил: «Узнаешь меня?» Это был тот «рыбак», что меня спас. Встреча для нас была праздником; в те минуты это были самые близкие нам люди. Из их слов мы поняли, что они хорошо осведомлены в делах Югославии. Они сказали, что они офицеры румынской военной разведки и что за удачное наше спасение они получили ордена, двухмесячный отпуск и повышение по служ-

бе. Ветер жизни разбрасывает людей: очень жаль, что мы их больше не видели и не знаем их имен. Во главе секуритате той пограничной области (Крайова и Турн-Северин), был полковник Сокол. Он с нами беседовал в управлении внутренних дел области спустя несколько дней после нашего вступления на румынскую землю. Сокол блестяще говорил по-русски и с гордостью повторял: «Я окончил институт имени Дзержинского».

А.Б. Как сложилась ваша жизнь потом? И расскажите немного о детстве и юности: что было, кроме Голого Отока?..

Й.С. В живописном черногорском селе Виничи, где я родился, много виноградников и фруктовых садов, а вокруг труднопроходимые горы. У родителей было много овец, коз и коров; с начала мая до конца октября мы жили на горном пастбище, на горе Коштеле. У всех членов семьи были свои обязанности. Я ухаживал за ягнятами. Часто залезал на высокую гору, откуда видна почти вся Черногория, в том числе и вершина Ловчена с церковью, в которой покоится величайший поэт южных славян Петар Петрович Негош. Взгляд мальчишки привлекал Дурмитор – величественная гора, разделяющая Черногорию и Герцеговину. Дальше были горы Румия, Комови, Проклетие, они окружали Скадарское озеро... Есть в тех местах и грандиозная пещера Каповица, в ее подземных ручьях вода такая холодная, что стакан трудно выпить. Много я запомнил с раннего детства. Этот великий мир всегда жил в моей душе, независимо от того, где я потом оказывался. Очень рано начал писать стихи.

Недалеко от моего родного дома монастырь Острог, где в скале покоится святой Василий Острожский. Дома были гусли, я слушал эпические песни о косовских героях. Запомнились события 1934 года, когда в Марселе был застрелен король Югославии Александр. Сорок дней был всенародный траур, каждый день раздавался печальный звон колоколов. Мы с мамой часто гостили в доме ее родителей и братьев. Еще не кончились траурные дни, когда арестовали моего дядю Нико Милатовича, человека, который сыграл большую роль в моем становлении. В школе я учился в соседней деревне, в гимназию пошел в Даниловграде. Доучивался после трехлетнего перерыва. Первый класс прервала война. Во время войны я с семьей находился на партизанской территории.

В 1946 году поехал добровольцем в Боснию строить железную дорогу в Брчко-Бановичах. В 1948 окончил полный курс гимназии в Никшиче, во время учебы был корреспондентом черногорских газет «Победа» и «Омладински покрет», писал репортажи о строительстве железнодорожной ветки Никшич–Подгорица. Через два дня после окончания гимназии поехал добровольцем на строительство автогассы Белград Загреб. На этой стройке работал вместе с международной студенческой бригадой из Парижа. Возвращение в Черногорию было тревожным. Уже начались аресты коммунистов в

связи с резолюцией Информбюро. С сентября 1948-го, по рекомендации ЦК КПЮ, учился на факультете журналистики и дипломатии Белградского университета. В конце года был арестован, но вскоре освобожден. Вторично арестован 21 декабря 1949 года. Находился в заключении в тюрьме Главняча, а с 27 апреля 1950 до середины августа 1951 года – на Голом Отоке.

Потом учился на философском факультете Белградского университета. 17 июня 1953 года вновь арестован, на сей раз в Черногории. По пути из Подгорицы в Белград удалось выпрыгнуть из поезда, когда состав проходил через мои родные места. Два года и два месяца скрывался, был объявлен в розыск. Твердо решил: если буду окружен, подорвать гранатой и себя и врагов. В конце августа 1955 года был освобожден от ответственности (сыграли роль письма матери в Скупщину). С октября продолжил учебу на философском факультете, окончил его в 1957 году. Посещал занятия по специальности «мировая литература» и работал в издательстве «Нолит».

После прыжка в Дунай я три года прожил в Румынии, учился в Ясском университете на филологическом факультете. С октября 1961 года живу в Советском Союзе. Первые семь месяцев учился в Костроме на историческом факультете пединститута, потом на факультете журналистики Ленинградского университета, который окончил в 1964 году, тогда же вступил в Союз писателей. Потом до 1968 года – аспирантура филологического факультета ЛГУ. Участь в аспирантуре, преподавал на кафедре славистики литературу южных славян. Стал кандидатом филологических наук. С 1969 по 2004 год работал в Пушкинском доме (Институт русской литературы Академии наук СССР), в отделе сравнительного литературоведения.

Неоднократно бывал во всех советских республиках и в большинстве областных центров. Печатался более чем в ста советских газетах и в десятках журналов. Видел все европейские и некоторые другие страны. Югославию не видел 37 лет, лишь в 1995 году югославское правительство сняло запрет с моего имени. Из восьмидесяти семи заказанных на почте телефонных разговоров с мамой югославская УДБа разрешила мне всего четыре. В Интернете кто-то бросил ложную весть, что я участвовал в покушении на Броза Тито. Это не соответствует истине; никаких покушений ни на кого не планировал и не планирую.

А.Б. Тито умер в 1980 году, а вам было разрешено вернуться в Югославию только через пятнадцать лет после этого. Как вы это объясните?

И.С. Вы знаете, в какой грандиозный спектакль были превращены похороны Броза. Собрались государственные и прочие деятели со всего капиталистического мира. Они очень ценили Тито за его умение постоянно подрывать доверие к СССР и социалистическим странам. В первые же годы после выхода Тито из Коминформа успели

лилась американская помощь Югославии – деньгами, оружием и всем возможным (на Голый Оток мы были брошены в американских наручниках; когда темной ночью нас швырнули в утробу «Пуната», при любой попытке облегчить боль эти наручники автоматически сжимались, у большинства были опухшие, посиневшие руки). На похороны Тито прибыли и высокие представители социалистических стран, в том числе Брежнев. Он еле двигался, но слезы изобличали большую печаль по близкому другу, которому Брежнев и Подгорный не так давно прикрепили на грудь орден Ленина. Прибыли и главы так называемых неприсоединившихся государств (эти государства считали Тито одним из своих выдающихся лидеров). По всей Югославии шли скорбные процессии; картина была такая, будто рыдали не только ближайшие соратники Тито, но и жертвы его режима. Звучали лозунги и призывы пропагандистов (в том числе многих писателей): «И после Тито – Тито!» Загадочна магия тирании: жертвы плачут и скорбят по вождю – тирану и своему мучителю. Тиран ушел, но титоизм остался и не увядал; его корни глубоко проникли в югославскую почву.

Сеть титоизма хотела изловить меня и на берегах Невы, в городе Октября и Ленина. 1987 год. В Ленинграде готовилась международная конференция, посвященная 200-летию Вука Караджича. Главными организаторами были ЛГУ и ИРЛИ (Пушкинский дом). Обширный список докладов (в нем было и шесть докладов из Югославии) опубликовали заранее и разослали по славистическим учреждениям разных стран. В списке докладчиков под номером один был Николай Скатов – директор Пушкинского дома. Под номером два – Станишич. Мой доклад назывался: «В.С. Караджич и А.С. Пушкин». Я готовился к докладу с особым тщанием, старался проанализировать все пушкинские переводы сербских народных песен, впервые изданных Караджичем. Об этих переводах написано немало, но мне удалось сказать кое-что новое. В ночь накануне конференции позвонил Скатов, с которым у меня всегда были самые добрые отношения. Он был взволнован, даже голос дрожал. «Йоле, извини за поздний звонок, есть неприятная новость. Ты знаешь, что я к тебе отношусь дружески. Но мне приказано завтра твой доклад не допустить к прочтению, и ты, пожалуйста, не появляйся в конференц-зале».

В шесть утра в дверь моей квартиры позвонили. В дверях стоял представитель обкома КПСС. Он извинился и сказал: «Товарищ Станишич, мне приказано сопровождать вас в обком». «В чем причина?» – спросил я. «Ничего не могу вам сказать, мне так приказано. Внизу ждет машина». По дороге я не произнес ни слова, он тоже. Вошли в обком, поднялись в кабинет, там ждали четверо молодых людей. Никто из них не представился. Сопровождающий, уходя, сказал: «Ребята позаботятся о Вас». Они смотрели на меня с пристальным вниманием. Предложили мне газеты. Заговорили о завтраке, принесли роскошные бутерброды с икрой, колбасой, рыбой, какие то пашитки. Одного из них – того, что активней других меня

угощал, – я вспомнил: более десятка лет назад он учился на кафедре славистики; он активнее других угощал меня. Я ни к чему не притронулся. Начала мучить жажда, но я и воды не попросил – настолько все казалось отвратительным. А они закусывали с аппетитом. Прошло два часа моего пребывания в этом кабинете. Знаю, что в десять начнется конференция, и спрашиваю: «Зачем я здесь?». «Мы не знаем, нам так приказано». – «Кто приказал и почему?» – «Мы на это не можем ответить, это знает МИД». – «Наверное, вы это министерство представляете на территории Ленинграда?» – «В какой-то степени да, но мы – мелкие служащие. Мы не можем спрашивать – мы законопослушны». – «Я закона не нарушаю, и все-таки хотел бы знать, зачем я здесь отнимаю у вас время, ведь у вас есть и другая работа». – «Нам сегодня приказано заботиться о вас». Иногда они по очереди выходили из кабинета, возвращались. Когда со мной остался лишь один из них, он шепотом сказал: «Я чувствую, происходит что-то тяжелое для Вас, но в чем дело, нам не сообщают».

Снова собрались все четверо и стали меня упрощать спуститься в ресторан, где приготовлен отдельный стол с хорошим обедом. «Я редко обедаю в ресторанах. Двенадцать часов прошло, я бы хотел поехать домой». Они переглянулись, и двое вышли с кем-то проконсультироваться. Вернулись минут через десять и говорят: «Если вы хотите поехать домой, мы вас будем сопровождать в нашей машине». – «Спасибо – думаю, что сопровождать меня излишне, вашу машину не будем эксплуатировать. У меня руки не связаны, и здесь, у Смольного, я остановлю такси. Вы мне ничего не хотели сказать, я же вам скажу: на конференцию я не пойду. И даже такси поедет на Васильевский остров не по Университетской набережной, а через мост лейтенанта Шмидта». По их лицам я понял, что у них есть сомнения. И все-таки добавил: «Я никому не угрожаю и надеюсь, что на меня сегодня не будет покушений. А вы скажите своим детям, если они у вас есть, или через десять лет своим внукам: «Мы берегли от злых взглядов писателя и коммуниста Станишича». – «Мы не знали, что вы умеете шутить». – «К сожалению, я не умею шутить, но кто-то “шутит“ надо мной». Все четверо проводили меня на улицу. Я поймал такси; всю дорогу не оборачивался, но видел, что две машины сопровождали меня почти до подъезда. Через несколько дней я узнал, что члены партии из ЛГУ и Пушкинского дома были мобилизованы на подходах к Университету, и в каждой группе был кто-то, знавший меня в лицо, а рядом с каждой засадой были специальные люди в штатском, которые, в случае моего появления, должны были меня куда-то забрать.

Через неделю я узнал, что МИД СССР получил ноту от МИД Югославии, в которой было сказано: «Югославские ученые не будут участвовать в конференции, посвященной Вуку Караджичу, если там будет Иоле Станишич». Ноту якобы подписали и югославские ученые, которые, в предвидении их участия в конференции, были в той ноте упомянуты. Через полгода в Москве, на конференции по теории

художественного перевода я встретился с Миодрагом Сибиновичем, профессором Белградского университета, известным литературоведом и переводчиком, и он извинился передо мной за незаконие, которое имело место. Его слова были: «Иоле, мы, ученые, с этой нотой и этими запретами не имеем ничего общего, никто из нас не сказал ни слова против тебя. Но в нашей группе, по приказу особой югославской инстанции – ты знаешь, какой, были два полковника, которые никогда никакой литературой не занимались; их заданием было повредить тебе, создать вокруг твоего имени смуту, вызвать конфликт между государствами». Титоизм был тогда в действии и жил долго. Кое-где на руинах Югославии он живет и сегодня.

А.Б. Ваша позиция как свободолюбивого революционного поэта определена с ранней юности, когда учеником гимназии вы написали поэму о черногорском всенародном восстании против оккупантов. Одна из ваших книг («Антенна на мраморе») открывается словами: «В моих родных краях война ранила не только каждый дом, но и каждый камень. Черногорцы говорили: на наших скалах снаряды сожгли и орлиные гнезда. Если когда-нибудь люди забудут ужасы войны, раны на камнях расскажут векам о трагическом времени. Вокруг моего дома много скал. В огне войны, на самых недоступных местах этих скал партизаны высекли слова: “СМРТ ФАШИЗМУ – СЛОБОДА НАРОДУ!” Никаким вражеским пулям не удалось стереть эти слова. С ранней юности я вижу в них самую заветную, самую величественную поэзию».

Вы говорили мне, что Ваши предки по линии отца четыреста лет гибли в бою от турецкого ятагана. В день, когда родился ваш отец, погиб его отец – ваш дед. В 1912 году в битве за освобождение Скадара, последней черногорской битве с турками, погибли два родных брата отца и еще двадцать ваших родственников, а отец получил семь ранений, две турецкие пули остались на всю жизнь в его теле, и он унес их в могилу. Но оказалось, что можно дружить с турком – как с родным братом. Ваше «Письмо Назыму Хикмету» – пример революционного братства в поэзии. Цитирую первые и последние строфы (перевод Всеволода Рождественского).

Пять веков черногорцы и турки клинки своих сабель скрещали,
громоздили паши глыбы башен из наших голов,
с черепами турецкими в Цетинье колья стояли,
и, где кровь пролилась, нет поныне ни трав, ни цветов.

До сих пор еще гневом костры в моем крас дымятся,
в битве на Косовом поле не сломлен наш дух боевой,
но звезда Октября и дороги изгнания – братство
принесли нам с тобою и общей сдружили судьбой.

Помню Мамулу, Лопарь, жестокою сепьскую бурю,

стражу смерти я видел на волчьих холодных горах.
И в осином гнезде, там, в застенках на острове Гргуре,
был твой стих для меня песней сердца и саблей в руках.

Этот факел я поднял средь мрака и бурь завыванья.
Ветвь племен непокорных, родной Черногории сын,
верен пламени сердца и предков своих завещанью,
я двадцатому веку скажу: «Этот турок – мой друг, мой Назым!»...

В море века нам виден в грядущее парус летящий,
и желанной зари всей душою касаемся мы.
Турну-Северин – берег свободы манящий –
звал от Бурсы, от Главнячи, мрачной белградской тюрьмы.

Я в Констанце стою, где на площади грустный Овидий,
гроздя боли своей я готов обнажить перед ним.
Спали голода цепи, Москву я мечтаю увидеть.
Там, под небом московским, я встречу с тобою, Назым!..

Сталинграду, Байкалу, Неве и широкому Дону
я хочу отнести моей родины жаркий привет.
Я судьбою изгнания тоже подобен Назону
и на руку твою опираюсь по-братски, Хикмет.

Ты грустишь по Стамбулу, а я все по Зете, по Ибру, –
дух поэзии вольной не служит тиранам земным,
тьнь Овидия вечно стремится к родимому Тибру,
где стоит отблеск зорь, в куполах отражающий Рим.

И.С. Я по природе интернационалист. Ощущаю духовное родство с Федерико Гарсиа Лоркой, Пабло Нерудой, Че Геварой, Яннисом Рицосом, Микисом Теодоракисом. Доводилось встречаться со многими светлыми личностями. К примеру, с легендарным генералом, героем Сопротивления, ученым-геополитиком и писателем Пьером-Мари Галуа. Это было во Франции в мае 1996-го. Мы раскрывали друг другу душу, размышляли о судьбах человечества. И он, и я одинаково высоко оценивали героическую победу Советского Союза над фашизмом и с глубочайшей болью переживали трагедию этой крепости мужества и свободомыслия. Для черногорцев Россия всегда являлась величайшей надеждой и опорой. Такое священное отношение мое поколение перенесло на СССР. Советский Союз был самой величественной цитаделью надежд. Я до сих пор не могу смириться с тем, что эта могучая держава, грандиозное содружество народов разрушено. Гибель СССР для меня – самая страшная беда и трагедия после всемирного потона. Я понял, что и Галуа тяжело переживает эту трагедию. Он тогда сказал мне: «Если б я смог увидеть возрожденную Россию такой же могучей, как СССР, я отправил бы свою душу с песней на небеса».

А.Б. В мае 1999 года, когда военно-политический альянс истребителей-«миротворцев» бомбил Югославию, вы на первой странице «Правды» опубликовали открытое письмо Клинтону, президенту Америки.

Й.С. Это письмо – призыв к сопротивлению агентам вселенского зла. Вот выдержки из него:

«Вы называете Вашу страну «самой миролюбивой», «цивилизованной», «защитницей прав человека» и «свободы личности», а Ваша политика и политика некоторых Ваших предшественников, стоявших у штурвала государства, превратила эту огромную страну в страшилище, в планетарную фабрику высших технологий смерти, превратила могучую государственную машину в мирового жандарма и самого опасного террориста, которого помнит человеческая история. В эти дни в Вашингтоне отмечается 50-летие НАТО. Говорится об абсолютном торжестве военной мощи, о победе нового мирового порядка, НАТО именуют «гарантом всеобщего мира». Но пакт НАТО никогда не был армией мира, он своими действиями наглядно показал, что является сборищем оплаченных наемников, чья миссия никогда не имела в себе ничего гуманного, это войско палачей.

По моему мнению, вы являетесь фактически верховным главнокомандующим самых агрессивных, самых лицемерных и самых преступных налетов на мою Родину – Югославию. Вы говорите, что вы не захватчики, но «защитники несчастных албанцев» в Косово, а смертоносная стая остервеневших самолетов (их множество, более тысячи) бомбит всю мою Родину, от древнейших национальных святынь до больниц, музеев, родильных домов и детских яслей. Вы никому не помогаете, вы уничтожаете все народы моей Родины – и сербов, и черногорцев, и албанцев, и других. У вас нет никакого права хоть камешек бросить на наши сады и поля, а вы наши пашни засеяли ужасом и полили огнем, замутили наши реки кровью наших людей и ядом ваших взрывов. Вы перерезали мосты между краями и народами моей Родины, и думаете, что таким способом разъедините наши души, что мы никогда больше не сможем построить между собой мосты доверия и братства.

Нет у меня и моего народа (у сербов и черногорцев) ненависти к албанцам. Мы с давних времен жили не только в соседстве, но и в подлинной дружбе с албанцами и в Косово, и в других краях Югославии, а также с теми албанцами, которые проживали на своей исконной Родине – в Албании. Мы помогали друг другу в трудностях и несчастьях, а добро и счастье делили по-братски. У нас не было и нет никакой национальной нетерпимости. Мы не оскверняли друг у друга ни храмы, ни национальную символику. Взаимное уважение общаев – это была норма нашей совместной жизни. Благородные традиции всегда помогали нам решать любые внезапно возникшие вопросы. Поредко у нас возникали родственные связи и побратимст-

ни раскол нашего народа. Вы осквернили наше святое поле – Косово. Вы творите геноцид над сербами, над албанцами и черногорцами в Косово и над всеми народами, проживающими в Югославии.

Рухнули все мифы о вашей демократии, о вашей свободе, о вашей цивилизации. И могилы наших предков будут бороться против того рабства, которое вы готовите моей Родине и другим народам. Вы бомбили гордые скалы моей Черногории, на которые никогда не могла упасть тень врага. Тень вашего преступления, вашего позорного оружия уже упала на наши вечно свободные горы, на Ловчен – священный алтарь Черногории. Наши скалы издрагивают и говорят: «Остановитесь! Вулканы нашего возмездия могут быть страшны». Между нами (жертвами) и вами (агрессорами и захватчиками) уже растет океан ненависти, и в этом виновны только вы...

Вы, господин президент, категорически заявляете о своем желании и решимости, чтоб все европейские народы от Балтийского до Средиземного моря вошли в объединенную Европу, в ваш «новый порядок». В ваш порядок преступлений и порабощений моя Родина – Югославия – не войдет. Она имеет свои святыни, свою этику, свою славную историю. Вы хотите, чтобы мы положили свою голову на плаху, где бы вы во имя нового порядка ядерной гильотиной отсекли голову и имя моей Родины, чтоб мы посрамленными вошли в XXI век и покорно молчали под Вашим запятанным позором знаменем и под Вашим угрожающим всей Европе кнутом.

Мы, сторонники жизни и созидания, погибнем, но рабами никогда не будем. Нас можно сжечь, но никому не удастся покорить. Сопротивление злу, сопротивление агрессии – это исконный зов нашей крови и нашей совести; это многовековой национальный императив моего народа. Мой народ не будет просить Вас: «Прекратите уничтожение нашей Родины!» Я знаю, что НАТО фактически подчиняется только Вашим планам, приказам и желаниям. Ни милости, ни сочувствия мы от вас никогда не примем...

Я знаю, что в духе преступных планов вы и дальше будете бомбить мой народ или другие невинные народы. Мы до последнего человека будем сопротивляться Вашей агрессии так, как сопротивлялось нашествию Османской империи шестьсот десять лет тому назад войско сербского царя Лазаря на Косовом поле. Напрасны все Ваши надежды на победу, даже если вы десятикратно умножите свои агрессивные смертоносные эскадрильи».

Множество преступлений совершено натовскими гангстерами уже после разгрома Югославии. Круговой порукой опутаны многие

А.Б. В 1999 году вы были инициатором создания Общественного трибунала, который осудил руководителей всех государств, что под знаменем НАТО бомбили Югославию. Какое заседание Вам, как члену и координатору трибунала, запомнилось больше всего?

И.С. Всего было шесть заседаний: в России, в Киеве, Белграде, Софии, Берлине и Нью-Йорке – совместно с американским общественным трибуналом (его возглавляет бывший генеральный прокурор США Рамсей Кларк; вот уже тридцать лет он мужественно разоблачает реакционную политику американских правителей). Нью-йоркское заседание происходило в 2000 году в зале, который носит имя Мартина Лютера Кинга. Было около тысячи зрителей, представители полусотни телекомпаний, десятки дипломатов из разных стран. Помню слова Кларка, открывшего заседание трибунала: «Я – американец, и мне стыдно, что я американец. Но я не имею права и не хочу выйти из этой оболочки. Боюсь, мало кто из вас чувствует ту опасность, которая грозит уничтожением всей человеческой культуры, а может быть, и жизни на нашей планете, из-за преступной политики американского правительства. Недавно я был на заседании в сенате и спросил Мадлен Олбрайт: «Правда ли, что из-за американских санкций в Ираке погибло более полумиллиона детей?» Она с улыбкой сказала: «Это правда. Но наша цель оправдывает средства». Такой цинизм будет оплачен самой дорогой ценой. История всему ведёт счёт. Час возмездия настанет, как бы ни казалось, что время зла вечно.

А.Б. Излишне спрашивать, какая тема – доминанта вашей поэзии. Вы всегда поддерживали борцов за свободу и национальное достоинство всех народов. Осуждали злодеяния черных полковников в Греции, террористическую диктатуру Пиночета в Чили, агрессию американского империализма во Вьетнаме и других точках планеты. Трагедия любого народа затрагивает ваши душевные струны. Вы беседуете в стихах с Нерудой и Рицосом, как с друзьями. Вы – люди одной свободолобивой идеи и без воплощения этой идеи не видите счастья и спасения земли. Однако глубочайшую рану нанесла вам именно трагедия вашей родины во времена титовского правления...

И.С. Голый Оток – это универсум зла. Эта тема меня никогда не оставит в покое. Я словно камень, заговоривший от горя. Не могу забыть людей, чьи кости лежат на дне Адриатики. До сих пор слышу их вопли. Пытаюсь, хотя знаю, что они меня никогда не услышат,

сообщить им о том, что происходит с миром. В Советском Союзе нашли убежище двадцать пять югославов, которые пережили титовские лагеря смерти. Большинство из них исторические личности – известные революционеры: Владо Дапчевич, Милета Перович, Милан Калафатич, Бранко Вукелич, Лазарь Попивоца, Вукашич Милич, Момо Джурич, Стеван Дриняк, Душан Майцен... Я был самым младшим из этих двадцати пяти. Они мне были как родные братья. Сегодня из них в живых только я. Я внутренне беседую с ними, как и с теми великомучениками, что убиты на Голом Отоке. Самое трагичное – что я их, мертвых, не могу ничем порадовать. Страна и идея, которая воплотилась в жизнь с их участием, погибла. А в России – стране их идеалов – сегодня буйствует хаос и самый отвратительный антикоммунизм. Временами меня посещает кощунственная мысль: они счастливы, что не видят, как поруганы и осквернены их идеалы, как цинично оболгана славная советская эпоха.

Я словно еще не вышел с Голого Отока, хотя после освобождения из титовских оков видел чуть ли не полпланеты. Кто пережил Голый Оток, тот ни во сне, ни наяву не может закрыть эту черную страницу истории. Эта трагедия вышла за рамки Югославии, стала сигналом тревоги для всех людей: никогда и никому не позволить подобного беззакония и зверства. Голый Оток напоминает об опасности, которая грозит любому народу, на чьей земле тираны возьмут власть. Когда-то я писал своей маме: «Я вернусь из тысячи и одной смерти». Даже если бы я остался в полном одиночестве, я бы ни на миллиметр не свернул со своего пути. Идеология коммунизма – закон истории. И она будет претворена в жизнь, пусть через сто ли двести лет. Свободолюбивые люди мира сделают всё, чтобы в рядах компартий больше не было аферистов и подонков типа Броза, лицемеров вроде вульгарного Хрущева, предателей – как Горбачев и Ельцин (чью измену никто не сможет ни «догнать» ни «перегнать», ибо она подорвала все прогрессивное движение на планете – лишив человечество ярчайшего светильника свободы – СССР).

Я верю в то, во что верил. Верю, что коммунистическая идея доживет до гармоничного воплощения. Верю в несокрушимость духа революции (без крови). Знаю, что это романтизм, но это не пустая иллюзия: революция станет реальностью и спасет мир вопреки всем угрозам и блокадам. Сейчас немало публицистов, которые выступают против свободомыслия «детей коммунизма». На обложках их книг – наши глаза, завязанные красным платком. Но ни красный, ни черный платок не могут завязать мертвый узел на нашей душе. Коммунизма еще не было на планете нигде, было только трудное начало пути, стремление к великой цели. И светильник этой цели никогда не погаснет. В глазах моих – только свет. Я верю в силу человеческой совести, воли и разума. Верю в будущее, как бы кто ни пытался у нас отнять.

Об авторе

Йоле Станишич (Јоле Станишић) родился 6 мая 1929 года в селе Виничи близ Даниловграда (Черногория). Поэт, критик, публицист. В годы Народно-освободительной войны (1941-1945) был с братьями в партизанском отряде. В 1949-1951 узник лагеря на Голем острове. Окончил философский факультет Белградского университета и факультет журналистики Ленинградского университета. С 1961 года живет в России. Много лет работал в Институте русской литературы РАН (Пушкинском доме). Инициатор и координатор Международного общественного трибунала по преступлениям НАТО в Югославии. Академик Международной славянской академии.

Автор монографии «Иован Дучич и русская литература» (Л.: Наука, 1989). В переводе на русский изданы книги его стихов: Упрямые скалы. М.-Л.: Сов. писатель, 1966; Седые орлы. Л.: Лениздат, 1969; Антенна на мраморе. Л.: Сов. писатель, 1972; Зёрна огня. Л.: Лениздат, 1973; Струны земли. М.: Современник, 1976; Морщины камня. М.: Сов. Россия, 1984; Глаза гор. М.: Сов. писатель, 1981; Солнце на скале. Л.: Сов. писатель, 1986; Заветные струны. Воронеж: ИПФ Воронеж, 2006. Произведения вошли также в «Антологию сербской поэзии**» (М.: Вахазар; РИПОЛ классик, 2004. С.591-638.).